

ОЧЕРК VI

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА, ВОПРОС ОБ АРЕСТАХ И ДУМСКИЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ

Широко известен тот факт, что, начиная с 27 февраля 1917 г., восставшие стали активно применять против сторонников старого режима аресты и задержания. Арестованные в большом количестве доставлялись в Таврический дворец. Сюда вели сановников, офицеров, жандармов и полицейских. Очень быстро Таврический дворец стал напоминать арестный дом. В ответ на это Временный комитет Государственной думы сделал специальное разъяснение, в котором постарался представить аресты как явление стихийного характера, заявив, что «до сего времени по его распоряжению никаких арестов не производилось».¹ Насколько это утверждение отвечало истинному положению вещей и какую роль в действительности сыграла Государственная дума в превращении арестов в факт революционной повседневности, еще предстоит выяснить.

Но, во всяком случае, Таврический дворец стал важнейшим центром революционной юстиции, где за дни революции, начиная с 27 февраля, сложились три структуры, ведавшие арестами: Комиссия по принятию задержанных военных и высших гражданских чинов, Министерский павильон и Низшая следственная комиссия.

1. Государственная дума и вопрос об арестах

Впервые мысль о присвоении себе права на проведение арестов прозвучала у думцев 27 февраля во время Частного совещания. Сразу же после просьбы А.Ф.Керенского «ехать на автомобиле по всем восставшим войскам», в Полуциркульный зал вбежал перепуганный зауряд-капитан Чиколини,² который просил защиты от ворвавшейся во дворец толпы. В «Протоколе событий» говорилось, что Чиколини стоял «вблизи Таврического дворца на охране».³ П.Н.Милюков и В.В.Шульгин утверждали, что Чиколини был начальником караула, который охранял Государственную думу, а Медведев был помощником начальника караула.⁴ Депутат

А.И.Рыслев вспоминал, что капитан Чиколини командовал ротой, несшей охрану Казначейства Таврического дворца. Вполне определенно можно утверждать, что Чиколини командовал ротой 86-й пешей Вологодской дружины, солдаты которой охраняли Таврический дворец. Он отказался присоединиться к восставшим солдатам, и они пригрозили ему арестом. Рыслев писал: «Чхеидзе просто решает – выбирайте сами: или с революционными войсками, или – арест. Председатель Думы Родзянко велит отвести офицера в свой кабинет, пока выяснится, как с ним поступить».⁵ Этот поступок Родзянко и Чхеидзе являлся не чем иным, как отстранением начальствующего лица от исполнения своих должностных обязанностей. Конечно, главную роль здесь сыграл все-таки Родзянко, т.к. он взял на себя окончательное разрешение вопроса о судьбе Чиколини.⁶ Но важно то, что первые угрозы арестовать противника революции были произнесены 27 февраля Н.С.Чхеидзе.

Решающую роль в насаждении практики арестов сторонников старого строя сыграл все-таки не Чхеидзе, а А.Ф.Керенский. А.И.Рыслев писал, что отряды восставших, приводившие арестованных, «требовали только Керенского и ему сдавали слуг старого режима».⁷ Родзянко утверждал, что воинские чины, производившие аресты, указывали «имя члена Государственной Думы Керенского, как руководителя их действий».⁸ В.В.Шульгин вспоминал, что именно к Керенскому обращались группы вооруженных людей с вопросом «кого схватить?».⁹ Постепенно в общественном сознании сложилось мнение о том, что А.Ф.Керенский вошел в состав ВКГД для выполнения данного ему специального поручения – «арестовать всех, наиболее деятельных сподвижников старой власти, чтобы предохранить новый строй от покушений контрреволюции».¹⁰

Существуют конкретные факты, подтверждающие активную деятельность А.Ф.Керенского в вопросе об арестах. В прессе сообщалось, что Керенский «отрядил взвод солдат для ареста и доставки в Таврический дворец <...> Щегловитова».¹¹ О том, что Керенский дал санкцию на арест И.Г.Щегловитова, сообщила «Петроградская газета» в марте 1917 г.¹² Депутат М.М.Ичас (кадет), подтвердив эти слова, добавил, что Керенский отдал приказ еще до образования ВКГД,¹³ т.е. до 5 часов дня. В своих мемуарах Керенский подтверждал, что именно он приказал арестовать бывшего министра юстиции, председателя Государственного совета И.Г.Щегловитова. Обстоятельства этого события Керенский описывал так: «Вернувшись в Екатерининский зал (после установления новой охраны Таврического дворца – “почетного караула” из числа восставших солдат – А.Н.), я обратился с речью к заполнившей здание Думы толпе. <...> На вопрос, кто будет арестован первым, я ответил, что им должен стать бывший министр юстиции, председатель Государственного совета Щегловитов. Я распорядился, чтобы его доставили непосредственно ко мне».¹⁴ Благодаря этим воспоминаниям, можно уточнить время отдачи приказа об аресте Щегловитова – после 3 и до 5 часов дня.

Почему первый приказ об аресте касался именно И.Г.Щегловитова? Думается, что за этим скрывалось намерение захватить здание Мариинского дворца, где заседал Государственный совет, и тем самым перевести

вторую законодательную палату на сторону революции. Не исключено, что в планы Керенского входил и арест Совета министров, который тоже размещался в Мариинском дворце. Но пробиться ко дворцу восставшие днем не смогли, а Щегловитов был арестован у себя на квартире.¹⁵

С.П.Мельгунов предполагает, что тогда же, т.е. в момент отдачи приказа о взятии под стражу Щегловитова, было дано распоряжение и об аресте министра внутренних дел А.Д.Протопопова.¹⁶ Возможно, что для выполнения этого приказа Керенский сформировал отряд или даже несколько отрядов солдат. Протопопову сообщили 27 февраля по телефону, что «по улицам Петрограда ходят группы вооруженных солдат» с намерением арестовать его. Несколько позднее Протопопов получил информацию о том, что к дому министра внутренних дел «идет внушительная толпа вооруженных рабочих и солдат». Протопопов спешно покинул здание.¹⁷ Произошло это около 2 часов дня. По крайней мере, охранники Протопопова — И.Ф.Федотов и А.Н.Шиселин — не видели его 27 февраля с 2 часов дня.¹⁸ Н.Н.Покровский вспоминал, что Протопопов пришел на заседание Совета министров, которое проходило на квартире Н.Д.Голицына, после часа дня.¹⁹ Если Керенский действительно отдал приказ об аресте Протопопова, то должен был это сделать до 2 часов дня 27 февраля.

Однако встает вопрос, а мог ли Керенский отдать приказ об аресте Протопопова до 2 часов дня? Ведь для выполнения этого приказа был необходим какой-то военно-революционный отряд. Таврический же дворец был «занят» восставшими после 2 и до 3 часов дня, и только с этого времени, на первый взгляд, можно говорить о каких-то революционных отрядах, способных выполнять приказы Керенского. Все это, конечно, так. Хотя можно предположить, что революционный отряд уже до 2 часов дня в распоряжении Керенского был. Приказ Керенского могли принять к исполнению солдаты из первой волны восставших, пришедших к Таврическому дворцу.

Вместе с тем слова Мельгунова о приказе Керенского относительно ареста Протопопова все-таки кажутся сомнительными. Во-первых, приказы об аресте Протопопова (до 2 часов дня) и Щегловитова (после 3 часов дня) были отданы не одновременно. Во-вторых, сам Керенский отрицал факт отдачи им приказа об аресте министра внутренних дел днем 27 февраля. Он писал: «Выяснилось, что некоторые из солдат Преображенского и Волынского полков по своей инициативе отправились арестовывать Протопопова, но тому удалось убежать».²⁰

Но даже если этого приказа и не было, нельзя исключать того, что аресты, творимые революционными отрядами и толпой восставшего народа, находились в поле думского воздействия. Керенский вспоминал о своей встрече с революционной толпой, собравшейся в Екатерининском зале Таврического дворца после 3 часов дня: «Они хотели знать, как мы собираемся поступить со сторонниками царского режима, и требовали для них сурового наказания. Я объяснил, что самых опасных из них возьмут под стражу, однако толпа ни при каких условиях не должна брать в свои руки осуществление закона. Я потребовал не допускать кровопролития».²¹ Эти слова Керенского могли быть восприняты наэлектризованной толпой как прямое руководство к действию — арестовывать сторонников старого строя.

После 3 и до 4 часов дня 27 февраля Керенский уже принял первых задержанных офицеров. Во время захвата Петроградской водокачки были приведены в Государственную думу два прапорщика, которые отказались подчиниться отряду, посланному из Таврического дворца. Свидетель событий вспоминал, что А.Ф.Керенский приказал им передать охраняемый объект караулу от восставших войск и взял на себя ответственность за это распоряжение. Прапорщики подчинились приказанию Керенского.²²

Существует крайне важное свидетельство А.В.Тырковой-Вильямс об арестах. Она, вспоминая о событиях 27 февраля, писала: «<...> в три часа слышала я, как небольшая группа, опять-таки штатских людей, отдавала приказы об аресте членов правительства».²³ Конечно, во-первых, отдача этих приказов должна была сопровождаться формированием отрядов для их выполнения, и, во-вторых, приказы эти отдавали, по нашему глубокому убеждению, люди близкие к Керенскому, лица, выполнявшие его поручения, т.е. члены «штаба Керенского».²⁴ Никто другой тогда — днем 27 февраля — решиться на это еще не мог.

Первая речь и первый приказ об арестах, прием первых задержанных — все это могло носить характер случайности, но дальнейшие события показывали известную настойчивость лидеров Государственной думы в стремлении использовать аресты как вполне приемлемое и адекватное средство борьбы со своими противниками.

Укажем, что к этому средству борьбы вечером 27 февраля был уже готов прибегнуть и М.В.Родзянко, что проявилось в ходе его беседы с председателем Совета министров князем Н.Д.Голицыным в Мариинском дворце. В «Протоколе событий» содержание переговоров излагается следующим образом: «Во время этой беседы председатель Государственной думы указал кн. Голицыну, что события дня и полнейшая растерянность правительства повелительно требуют для успокоения Петрограда и дабы предотвратить анархию в стране немедленного удаления от власти всего состава правительства и передачи этой власти Временному комитету Государственной думы». М.В.Родзянко, получив со стороны Н.Д.Голицына отказ согласиться с этой мерой, пригрозил арестом «всех членов Совета министров».²⁵

Угроза Родзянко не осталась пустыми словами. А.Ф.Керенский вспоминал: «Наконец поступило сообщение, что правительство заседает в Мариинском дворце. Туда немедленно был отряжен отряд в сопровождении броневиков с приказом арестовать всех членов кабинета».²⁶ Наиболее полной информацией о местонахождении царского правительства обладали члены думской делегации, прибывшие вместе с Родзянко в Мариинский дворец. Как указывалось выше, Родзянко беседовал во дворце с председателем Совета министров Голицыным. Депутат Н.В.Савич случайно встретил министра внутренних дел А.Д.Протопопова, когда думская делегация уже покидала Мариинский дворец. Савич подчеркнул, что «в тот момент никто не знал, где он (Протопопов — А.Н.) скрывается».²⁷ Несомненно, что Савич поделился информацией с другими членами думской делегации — М.В.Родзянко, Н.В.Некрасовым и И.И.Дмитрюковым.

После переговоров М.В.Родзянко и Н.В.Некрасов поехали из Мариинского в Таврический дворец,²⁸ а Н.В.Савич и И.И.Дмитрюков отправились по домам отдыхать. Можно предположить, что Родзянко и Некрасов или сами отдали приказ об аресте Протопопова, или, что кажется более достоверным, сообщили о его местонахождении Керенскому, и тот в свою очередь отдал соответствующее распоряжение. Но в это время речь шла уже об аресте не только Протопопова, но и всего правительства. Напомним, что приказ был выполнен. Заняв Мариинский дворец рано утром 28 февраля, восставшие предприняли попытку ареста царских министров. Министр иностранных дел Н.Н.Покровский рассказывал об этом так: «Нас хотели арестовать. Едва разбежались. Я отсиживался несколько часов в подвале. Насилу пробрался закоулками домой».²⁹ Князь Е.Н.Трубецкой вспоминал об отряде, который разыскивал в Мариинском дворце Протопопова.³⁰

Временный комитет Государственной думы, взяв власть в свои руки в ночь с 27 на 28 февраля, стал широко применять аресты в своей практической деятельности. Необходимость арестов вытекала из решения ВКГД захватить под свой контроль центральный аппарат. В ночь на 28 февраля Временный комитет постановил направить, как уже говорилось выше, в правительственные учреждения своих комиссаров и приказал отрешить от должности царских министров.

Весьма энергично действовал комиссар в МПС А.А.Бубликов. ВКГД, кстати, не предполагал отстранять от исполнения обязанностей министра Э.Б.Кригер-Войновского. Поэтому комиссар Бубликов, по свидетельству Ю.В.Ломоносова, предложил министру путей сообщения «от имени Думы» «оставаться на посту». Кригер-Войновский «отказался, ссылаясь на расстроенные нервы». Только после этого Бубликов объявил министру «под домашним арестом и приставил стражу к дверям его кабинета».³¹ Министр путей сообщения вспоминал, что Бубликов предложил ему «поехать сейчас в Думу и заявить там свою покорность новой власти». Кригер-Войновский ответил, что «пока существует на Престоле Государь, которому я присягал, я этого сделать не могу». После этого Бубликов арестовал министра, но предложил ему выбрать место заключения. Тот решил остаться под арестом в своем кабинете.³²

Комиссар Бубликов также пользовался правом освобождать арестованных. Так, он освободил арестованных 1 марта принцем А.П.Ольденбургским служащих Черноморской железной дороги.³³

Подчеркнем, что для комиссаров в министерствах приказ ВКГД об арестах носил в большей степени политический, а не практический характер. В действительности, ВКГД, направляя комиссаров в министерства и главные управления, выдавал им инструкции и рекомендации относительно конкретного использования или отстранения начальствующих лиц и чиновников. Т.е., о повсеместном отстранении и аресте министров речи не шло. Кроме этого, комиссары получили от ВКГД право самостоятельно решать все кадровые вопросы.

Аналогичная ситуация складывалась в воинских частях, куда прибывали комиссары ВКГД, имея на руках полномочия на отстранение и арест командиров. Депутат С.П.Мансырев вспоминал, что член ВКГД Н.В.Нек-

расов, командировав его в одну из воинских частей, дал указание арестовывать офицеров, если они способствуют насаждению контрреволюционных настроений.³⁴ Заметим, что комиссары ВКГД пользовались правом арестов в исключительных случаях, но сам факт наделения их такими полномочиями провоцировал революционные массы на проведение арестов самостоятельно, без санкции ВКГД или его структур.

Временный комитет Думы, конечно, имел перед комиссарами преимущества в вопросах об арестах. В ряде случаев он отменял приказы и распоряжения своих комиссаров. Так, 2 марта председатель ВКГД подписал приказ за № 152, согласно которому предписывалось освободить от ареста бывшего министра путей сообщения Э.Б.Кригер-Войновского, «с предоставлением ему свободного передвижения и проживания в гор. Петрограде, а также с запрещением производить у него обыски».³⁵ Кригер-Войновский утверждал, что он был освобожден депутатом Н.Н.Львовым. Кригер-Войновский вспоминал: «<...> он (Н.Н. Львов — А.Н.) вручил мне за своей подписью и всеми печатями две бумажки, из которых одна давала мне право входа и выхода из Государственной думы, а другая предписывала всем местам и учреждениям оказывать мне содействие и защиту».³⁶ К сожалению, в нашем распоряжении имеется только отпуск приказа председателя ВКГД за № 152 об освобождении Кригер-Войновского, на котором нет подписи Родзянко. Возможно, что Львов походатайствовал перед Родзянко об освобождении министра. Получив приказ председателя ВКГД, Н.Н.Львов оформил на его основе документы, о которых и писал Кригер-Войновский. Но не исключены и другие ситуации. Например, Кригер-Войновский мог в своих воспоминаниях перепутать Львовых. Он писал, что Н.Н.Львов, освобождая его, действовал как товарищ председателя ВКГД.³⁷ Но Н.Н.Львов вошел в состав ВКГД только 16 июня, а членом Временного комитета Думы в дни Февральской революции был В.Н.Львов, который мог за председателя ВКГД издать приказ за № 152. Заметим, что легкость, с которой был освобожден Кригер-Войновский, объясняется тем, что он, судя по его воспоминаниям, не попал в руки следственных структур, существовавших тогда в Таврическом дворце.

Члены ВКГД не только освобождали арестованных, но и сами в своей деятельности часто прибегали к арестам. 1 марта Н.В.Некрасов, например, отдал приказ арестовать ялтинского градоначальника генерал-майора А.И.Спиридовича и препроводить его в Петропавловскую крепость. Поручение было дано подполковнику Антипину.³⁸ 3 марта Некрасов (за председателя ВКГД) приказал «немедленно арестовать генерал-губернатора [Ф.А.] Зейна и вице-председателя хозяйственного департамента [Финляндского Сената] сенатора [М.М.] Боровитинова».³⁹

Отдавал приказы об арестах член ВКГД М.А.Караулов. Так, 1 марта в 9 часов утра в Таврический дворец явилась команда Собственного его величества Конвоя. Конвойцев встретил М.А.Караулов. Он «призвал конвойцев примкнуть к восставшему народу для защиты своих интересов». В прессе сообщалось, что «конвойцы встретили речь Караулова громовым “ура”». После этого конвойцы доложили ему, что «некоторые офицеры предоста-

вили им полную свободу действий и просили приставить караул к тем офицерам, которые отказались принять участие в восстании». Караулов приказал делегации конвойцев «немедленно отправиться в казармы для ареста офицеров, продолжающих стоять за старую власть».⁴⁰

Военная комиссия ВКГД в дни Февральской революции, опираясь на предыдущий опыт «штаба Керенского» и установки ВКГД, также прибегала к практике арестов. В ночь на 28 февраля ВК ВКГД поручила «по приказанию Ком[итета] Г[осударственной] думы» офицерам 2-го Балтийского флотского экипажа занять район «между Невским, Невой, Мойкой и адмиралтейством». Кроме этого, им предлагалось произвести аресты министров и других агентов царской власти.⁴¹

В дальнейшем ВК ВКГД проводила аресты контрразведчиков, жандармов, полицейских и т.п. 28 февраля в 10 часов 45 минут утра председатель ВК ВКГД подписал приказ на имя наездника С.Архипова «с 50 (пятидесяти) челов[еками] арестовать на Знаменской ул., 41 контр-разведочное отделение штаба округа и начальника сего отделения полк[овника] Якубова (Фонтанка, 54)». Однако В.М.Якубов был арестован только 6 марта корнетом Егезаровым.⁴² 2 марта 1917 г. А.И.Гучков от имени ВК ВКГД отдал приказ об аресте прапорщика П.Я.Логвинского, который был членом «Комиссии Н.С.Батюшина».⁴³ 3 марта ВК ВКГД предлагала арестовать 7 жандармских штаб-офицеров.⁴⁴ В этот же день Комиссия издала несколько приказов об арестах. 3 марта 1917 г. подпоручик Чумаковский получил приказ (№ 804) за подписью председателя Военной комиссии, «взять конвой и арестовать, впредь до выяснения», подполковника Трегубова, на основании рапорта капитана Андрианова.⁴⁵ За № 821 вышло предписание ВК ВКГД арестовать заведующего поездом № 144 Красного Креста «на основании донесения представителей санитаров означенного поезда»,⁴⁶ а за № 830 — «немедленно арестовать жандармского полковника Горленко».⁴⁷

Известно, что ВКГД и его Военная комиссия сыграли существенную роль в создании ряда локальных центров революции в вузах, милиционных пунктах и т.д. Своеобразным арестным пунктом стал уже с вечера 27 февраля Михайловский манеж.⁴⁸ Эти структуры, наводя революционный порядок, задерживали и арестовывали сторонников царской власти. Вместе с тем необходимо отметить, что даже 28 февраля некоторые локальные революционные центры (опорные пункты революции) ограничивались регистрацией полицейских, не прибегая к арестам.⁴⁹ Но это имело отношение только к тем локальным центрам, которые были созданы в этот же день (28 февраля) и технически не могли разрешить вопросы, связанные с содержанием арестованных.

Аресты, проводимые ВКГД, имели важное практическое и политическое значение. Несомненно, что приказы об арестах представителей царской власти, которые отдавал Временный комитет Думы, были понятны восставшей массе и быстро находили в ней отклик. Выполняя приказы ВКГД, восставшие одновременно осуществляли захват важных для победы революции объектов. Относительно политического значения арестов можно, с некоторой оговоркой, согласиться с утверждением И.Л.Архипова. Он пишет: «Ритуалы арестов и конвоирования по пути к Думе имели

своеобразный политический смысл. Парламентские лидеры, демонстрируя работу по “организации победы”, представляли Думу в качестве “штаба революции” — и это психологически воздействовало на “восставший народ”, способствуя укреплению его организованности и дисциплины».⁵⁰

Соглашаясь с тем, что аресты сторонников старой власти характеризовали Государственную думу как центр революции и штаб восстания, нельзя полностью принять вторую часть суждения исследователя. Действительно, насаждая практику арестов, Временный комитет Думы показывал пример революционным массам, как надо поступать с защитниками старого строя — не убивать, а арестовывать. Но, организовав переход воинских частей на сторону Государственной думы и уничтожение последних очагов сопротивления верных царскому правительству сил, ВКГД провоцировал массы на самостоятельные шаги, которые, в силу размаха движения, зачастую принимали крайний характер. Иначе говоря, удерживать массы от кровавых расправ ВКГД не смог.

28 февраля революционное насилие продолжало нарастать. Утром 28 февраля был убит командир крейсера «Аврора» капитан I ранга М.И.Никольский и ранен старший офицер П.П.Огранович. Матросы-авроровцы приняли активное участие в революционных событиях. В этот же день отряды восставших заняли Крюковские и Дерябинские казармы, где размещался 2-й Балтийский флотский экипаж. Командир экипажа генерал-майор А.К.Гирс и его помощник полковник А.Л.Павлов сначала были арестованы, а затем убиты. Укажем, что Гирс имел от ВК ВКГД предписание «командовать вверенным экипажем до особых распоряжений». Предписание было выдано ему в 6 часов утра 28 февраля за подписью В.Н.Филипповского (за председателя ВК ВКГД).⁵¹ Дело не ограничилось убийствами офицеров.

Жертвами революционного насилия также становились полицейские, уже прекратившие сопротивление. Восставшие, в ряде случаев, расправлялись с ними на месте или при конвоировании в Таврический дворец. Приведем некоторые из них. Так, В.Б.Лопухин вспоминал: «<...> солдаты врываются на квартиры и кого арестовывали, а кого и приканчивали. Беспощадно убивались всякие жандармские и полицейские чины. О городских, стрелявших из пулеметов, и говорить не приходится. Они были все растерзаны солдатами. Но не было пощады и таким городовым, которые не были причастны к стрельбе из пулеметов. И их уничтожали. Большую партию расстреляли на Неве, на льду. Тела бросили в прорубь».⁵² Городовой 2-го участка Петроградской части показывал 22 июля 1917 г. о расправе над городовыми в дни революции: «<...> в 9 ч[асов] утра 28 февраля я уже в штатском шел по Большому пр. у ворот дома на углу Покровской улицы заметил толпу народу. Оказалось, что из дома стреляли в толпу из ружий <...> там помещалась 4-ая рота полицейского резерва. После перестрелки, которую я там видел, солдаты вошли в дом и вывели пять человек, из которых трое было одето городовыми, один был полицейский надзиратель из резерва и другой офицерский чин по фамилии Скорбилин Василий Дмитриевич, который командовал ротой. <...> На моих глазах троих из этих городских убили, и остальных куда-то увели».⁵³ Около

3 часов дня Таврический дворец был обстрелян из пулеметов из здания напротив. «14 полицейских были сняты и расстреляны в переулке».⁵⁴ Правда, депутат Э.П.Беннигсен вспоминал о расстреле только «4-х городских против Думы, в Водопроводном переулке».⁵⁵

М.З.Иванова показывала позднее, что в 3 часа дня 28 февраля ее муж (околоточный Иванов) «был взят из квартиры толпой неизвестных людей, выведен во двор и убит». Причем, как писала Иванова, ее муж при аресте никакого сопротивления не оказывал.⁵⁶ О.В.Иванова писала, что ее муж — полицейский надзиратель 3-го участка Александро-Невской части М.И.Иванов был убит в 6 часов вечера у д.76 по Забалканскому пр.⁵⁷ Видимо, о нем записала в своем дневнике Л.Петрова: «28 февраля <...> всюду ищут полицию; околоточный Иванов <...> сначала был сильно избит, а потом убит, его видели лежащим на Забалканском».⁵⁸ В этот же день вооруженная группа ворвалась в квартиру городского Петергофского участка С.И.Полищука. После ареста городской был выведен на улицу, где его расстреляли.⁵⁹

При арестах полицейские получали травмы и ранения. 28 февраля был арестован на домашней квартире (Казачий пер., д.9, кв.62) околоточный надзиратель 4-го участка Московской части М.И.Лопатин. При аресте он не оказал солдатам никакого сопротивления. Выведя его на улицу, солдаты нанесли Лопатину огнестрельное и штыковое ранения живота. Раненый был доставлен в Обуховскую больницу.⁶⁰ Городовой Спасской части Е.Я.Захаренко в 9 часов утра 28 февраля отдал рабочим оружие. В этот момент рабочие его не задержали. Но уже в 2 часа дня при аресте он был ранен рабочими.⁶¹ В этот же день ранения получили городовые И.Н.Заржевский и С.Г.Кутья.⁶² 28 февраля на Большом пр. (Петроградская сторона) хозяин сапожной мастерской С.Ф.Евстафьев стрелял в рабочих из засады. Рабочие изъяли у Евстафьева револьвер и ранили его. Затем он был доставлен в Таврический дворец.⁶³ Но иногда солдаты спасали городских от расправ. Так, они отняли городского П.Иванова у рабочих, которые «хотели устроить над ним самосуд, за то, что стрелял в толпу».⁶⁴

28 февраля в количественном отношении все-таки преобладали не убийства, а аресты. В этот день стали задерживаться и доставляться в Таврический дворец полицейские, не арестованные ранее, т.е. в момент захвата восставшими 27 февраля полицейских участков и казарм. В частности, в Государственную думу были препровождены городовые 2-го Петроградского участка. Заметим, что городовые жили в квартирах при участке (Ораниенбаумская ул., д.15), с этих квартир их повели в Таврический дворец.⁶⁵ Такая же ситуация сложилась с городовыми Лесного участка, которые 27 февраля, после захвата участка, были отпущены по домам. 28 февраля «Комитет Политехнического института» направил по квартирам городских конвои «для отправки в Государственную думу».⁶⁶ Восставшие так же поступали и с городовыми, которые были задержаны при захвате 28 февраля полицейских участков и казарм. В этот день, например, солдаты захватили полицейскую казарму в Кирпичном пер., д.1. Квартиры городских были разгромлены, городовые — обезоружены, и часть из них — доставлена в Таврический дворец.⁶⁷ Аресты городских на

их домашних квартирах стали широко практиковаться начиная с 28 февраля.⁶⁸ Продолжались аресты городских и жандармов на улицах.⁶⁹

Даже задержанные при охране объектов, офицеры чаще не расстреливались, а доставлялись в местные милиционные и арестные пункты. Затем они препровождались в Государственную думу. Современник событий вспоминал, что 28 февраля при захвате макаронной фабрики за Нарвской заставой восставшие арестовали 3 офицеров Запасного батальона л.-гв. Измайловского полка, которые стояли во главе отряда, несшего охрану фабрики. Офицеры были препровождены в Горный институт, «где содержались арестованные чины полиции», а 1 марта — отправлены под конвоем в Таврический дворец.⁷⁰ Утром 28 февраля «солдаты Преображенского полка привели в Таврический дворец своих офицеров и просили их разоружить».⁷¹ Солдаты арестовывали офицеров не только при исполнении служебных обязанностей, но и на домашних квартирах. Для этого они проводили обыски домов. Современница событий записала в дневнике 28 февраля: «<...> пришли солдаты, спросили у старшего дворника домовую книгу, и, арестовав всех военных, повели их в Государственную Думу».⁷²

Опасаясь расправ со стороны восставших, полицейские сдавались кому-нибудь на улице и просили доставить в Государственную думу. Так, околоточный надзиратель 2-го участка Петроградской части И.Шарко, по свидетельству конвойного, «арестован по его собственному желанию из боязни быть <...> убитым».⁷³ Другие полицейские приходили в Таврический дворец самостоятельно.⁷⁴ Возможно, что существовало какое-то распоряжение ВКГД или его структур, согласно которому городовым предписывалось прибыть в Таврический дворец.⁷⁵ 28 февраля в 12 часов дня в Государственную думу добровольно явился полицейский надзиратель Н.М.Гладкий.⁷⁶ Примерно в это же время пришел Г.К.Семида, так как, по его словам, «был тогда городовым во 2 участке Литейной части».⁷⁷ Около 2 часов дня 28 февраля в Думе появился И.М.Юрков, прикомандированный ко 2-му Отделению конной полицейской стражи.⁷⁸ Тогда же пришел в Государственную думу О.А.Переломец, «куда он должен был явиться как городской».⁷⁹ Пришедшие с добровольной явкой были задержаны в Таврическом дворце и состояли за НСК. Это — первые случаи самозаключения, выявленные по документам НСК. В дальнейшем самозаключение получило широкое распространение не только среди полицейских, но и среди сановников. Днем 28 февраля министр юстиции Н.А.Добровольский, скрывавшийся в итальянском посольстве, позвонил М.В.Родзянко «с заявлением, что он готов отдать себя в распоряжение Исполнительного Комитета Гос[ударственной] Думы». Родзянко приказал отправить за Добровольским автомобиль с конвоем. В девятом часу вечера 28 февраля министр юстиции был доставлен в Таврический дворец, где и был посажен под арест.⁸⁰ Министр внутренних дел А.Д.Протопопов пришел в Таврический дворец и сдался студенту в 11 часов 15 минут вечера 28 февраля.⁸¹ Прав исследователь, который пишет, что «факты “передачи себя” Думе деятелями старого режима, которые усиленно пропагандировались в дни переворота, наглядно символизировали капитуляцию царизма перед революцией и бессмысленность сопротивления ей».⁸²

ВКГД предпринимал отдельные шаги по наведению порядка в арестах. М.В.Родзянко, Б.А.Энгельгардт и А.Ф.Керенский вмешивались в судьбы арестованных офицеров. Энгельгардт 28 февраля освободил доставленного в Таврический дворец арестованного своими же солдатами командира Запасного батальона л.-гв. Преображенского полка полковника К.С.Аргутинского-Долгорукова.⁸³ 1 марта Родзянко освободил 3 офицеров-измайловцев, содержащихся за милицией Горного института.⁸⁴ 1 марта А.Ф.Керенский в качестве «заведующего арестами» отдал приказ коменданту Петрограда депутату Государственной думы Б.А.Энгельгардту об освобождении начальника Петроградского Морского контрразведывательного отделения полковника И.С.Николаева из-под ареста.⁸⁵

Однако освобождение отдельных офицеров проблемы не решало. Нужны были радикальные меры. 1 марта председатель ВКГД М.В.Родзянко сообщал, что «впредь аресты от имени комитета будут производиться не иначе как по особому в каждом случае распоряжению комитета».⁸⁶ В этот же день был издан приказ № 1 по городу Петрограду за подписью члена ВКГД М.А.Караулова, в котором были приведены 5 категорий лиц, подлежащих «немедленному арестованию», а также указаны адреса 7 арестных помещений. Подчеркивалось, что в Таврический дворец (он шел вне списка арестных помещений) необходимо доставлять «лишь сановников и генералов, буде таковых придется задерживать».⁸⁷ Отдельно разъяснялось, что «арестованных чинов наружной, тайной полиции и жандармов надо доставлять в отделение комендатуры в манеж кавалергардского полка».⁸⁸

Разъяснение Родзянко и приказ Караулова не были направлены на прекращение арестов, а должны были лишь упорядочить их. Так, приказ № 1 был обращен к «частям войск и народной милиции», а не к населению вообще, что должно было ограничить число «любителей» арестовывать. 1 марта также было опубликовано «Дополнение к приказу № 1», за подписью М.А.Караулова. В нем сообщалось, что «чины штаба корпуса жандармов аресту не подлежат».⁸⁹

Вечером 1 марта в воинские части поступила телефонограмма Б.А.Энгельгардта от имени председателя Государственной думы М.В.Родзянко, в которой «приказывалось утром на следующий день сообщить по телефону о том, кто из офицеров считается солдатами нежелательными для оставления в батальоне». Можно согласиться с современником, понявшим это распоряжение Родзянко как меру предотвращения «насилия солдат над негодными им офицерами».⁹⁰ В пользу этого говорят слова Н.Д.Соколова, сказанные им 3 марта на Пленуме Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов: «Аресты непр[авомерны] <...> ротн[ым] комитет[ам] в полках [составить] списки офицеров, которых оставить, представить в Военную комиссию, что и сдел[ано]».⁹¹

Кроме этого, Караулов и Керенский издали приказы по Владимирскому, Павловскому и Топографическому военным училищам, начальство которых получило право арестовывать и доставлять в Комендантское управление Государственной думы всех лиц, потребовавших «оружие и допустивших какое-либо насильственное действие по отношению» к училищам.⁹² Эти приказы давали военным училищам формальное право защищать свое имущество и неприкосновенность личного состава.

Меры ВКГД, которые должны были остановить волну арестов, помешать расправе солдат над офицерами, оказались недейственными. Наоборот, все эти приказы и распоряжения привели к появлению среди обывателей уверенности в том, что 2 марта «будут выяснять отношение офицерства, сановников к новому правительству, для чего их будут разыскивать, опрашивать, а несогласных [-] арестовывать».⁹³ Такое понимание думских мер как бы оправдывало продолжение стихийных арестов, покрывая их авторитетом Думы.

Революционные отряды и отдельные «любители арестов» рыскали по городу в поисках министров, генералов и т.д. с целью их ареста, чаще всего не имея на это письменных распоряжений новой власти. 1 марта, например, был арестован министр финансов П.Л.Барк. Во главе отряда, прибывшего арестовывать министра, стоял его бывший лакей Никифор. Комиссар ВКГД над Министерством финансов И.В.Титов попытался предотвратить арест, но ему этого сделать не удалось.⁹⁴ Член ВК ВКГД полковник П.А.Половцов вспоминал, как его шофера — юнкера Николаевского кавалерийского училища Б.А.Тогиджанова — «вдруг осенила блестящая идея: арестовать Риттиха и, подцепив какого-то приятеля, он полетел ловить министра земледелия, а про меня забыл».⁹⁵

2 марта были вновь арестованы офицеры Запасного батальона л.-гв. Преображенского полка. Родзянко сообщил об этом в ВК ВКГД «для записания распоряжений».⁹⁶ Некрасов послал за офицерами автомобиль с приказом доставить их в Таврический дворец.

Свидетели событий отмечали особую активность солдат и рабочих в поимке полицейских. М.К.Станюкович записала в дневнике 1 марта: «Солдаты и рабочие ловят полицейских».⁹⁷ Другой очевидец, говоря о событиях 1 марта, заметил, что «везде бегали солдаты с винтовками, ища городских».⁹⁸ Начиная с 1 марта, солдаты, арестовывая полицейских и жандармов, ссылались именно на приказ Караулова. Так, А.И.Емельянов, ошибочно арестованный 1 марта, показывал: «<...> на углу Гороховой против Градоначальства меня остановил солдатик и заявил мне, что вы похожи на городского, а нам приказано таких подозрительных лиц препровождать в Государственную Думу, я пробовал доказать солдатике, что я не городской <...>, но солдатик мне пригрозил штыком и я был вынужден следовать по его приказанию».⁹⁹

Во время арестов иногда (крайне редко) полицейские и жандармы оказывали сопротивление, отказывались сотрудничать при обысках своих квартир и выдавать оружие. Нам удалось обнаружить всего 7 случаев сопротивления при аресте 1 марта. В этот день околоточный надзиратель, служивший при Охранной команде, П.К.Зверев, проживавший по 6-й Рождественской, д.4, кв.19, во время ареста оказал вооруженное сопротивление и успел один раз выстрелить.¹⁰⁰ Городовой 2-го участка Александр-Невской части П.П.Петров во время задержания оказал вооруженное сопротивление — «стрелял и ранил даже себя». Квартира Петрова была обыскана, а сам он доставлен в Таврический дворец.¹⁰¹ 1 марта во время ареста по ул. Мещанской, д.10, который производился по приказу ВКГД, огнестрельное ранение левого плеча получил рядовой 1-й запас-

ной автомобильной роты В.С.Чистоделов.¹⁰² Агент сыскной полиции Т.М.Шурба отказался при обыске выдать свое оружие — револьвер с патронами, который все-таки был обнаружен.¹⁰³ Жандарм Н.Л.Шпагин был взят солдатами на квартире с оружием, которое не хотел отдавать.¹⁰⁴ Городовой Спасской части С.Горлов «упорствовал, не хотел идти» в Таврический дворец.¹⁰⁵ Городовой Т.А.Чехетерн по дороге в Государственную думу попытался убежать, но был пойман.¹⁰⁶

Аресты, проходившие начиная с 1 марта, в ряде случаев сопровождались убийствами, избиениями и ранениями полицейских, жандармов, офицеров и генералов.

Современник, оказавшийся в комнате ВКГД в Таврическом дворце, вспоминал: «<...> тут и офицер с рыданием умоляющий немедленно сделать что-нибудь для спасения офицеров Московского полка, осаждаемых и убиваемых солдатами».¹⁰⁷ Депутат Э.П.Беннигсен утверждал, что в этом полку вечером 1 марта или в ночь на 2 марта солдаты убили двух офицеров.¹⁰⁸ 2 марта в квартиру, где проживал слушатель Академии Генерального штаба штабс-капитан 1-го Екатеринбургского гренадерского пехотного полка Рогов-Матвеев, явились неизвестные в солдатской форме. Арестовав Рогова-Матвеева, они увели его «по их словам в Государственную думу». Жена штабс-капитана писала, что «с той поры о нем нет никаких сведений, пропал без вести».¹⁰⁹ Видимо, солдаты не довели Рогова-Матвеева до Таврического дворца, а расправились с ним по дороге.

1 марта был арестован городской Сницерук, но по дороге в Таврический дворец он был расстрелян солдатами у Резиновой фабрики на Обводном канале, а его труп сброшен в воду.¹¹⁰ Днем 1 марта Б.В.Фомин видел на углу Загородного проспекта около Технологического института трупы трех жандармов со вспоротыми животами.¹¹¹ В этот же день в Обуховскую больницу ворвались неизвестные в солдатской форме. Один из солдат нанес прооперированному околочному Лопатину штыковую рану «в область подреберной дуги справа». От этой раны Лопатин скончался в 11 часов утра 2 марта.¹¹² Л.Петрова сообщала: «Пристав Нарвской части убит <...> 1 марта <...> Ночью была стрельба на Измайловском проспекте, убито 3 жандарма».¹¹³

Член IV Думы Л.А.Зиновьев, вспоминая об аресте своего тестя (генерал-адъютанта П.П.Баранова), писал: «В первые дни революции, в марте, разнузданная толпа солдат, проходившая по Воскресенской набережной, где тогда жили Барановы, ворвалась в их квартиру под предлогом, что кто-то стрелял в них из дома. Солдаты арестовали Петра Петровича и повели в Думу. <...> По дороге в Думу <...> солдаты били его прикладами, толкали его, заставляя идти скорее, чем он мог, ранили его в голову, — а ему было тогда 74 года». Возможно, что устав возиться со стариком-генералом, солдаты просто убили бы его,¹¹⁴ что не раз происходило в дни Февраля на улицах Петрограда. Но П.П.Баранову повезло. Зиновьев так писал об этом: «Спасли его (П.П.Баранова — А.Н.) проезжавшие на автомобиле санитары-студенты и сестры милосердия, — они вырвали его от солдат и свезли на автомобиле в Думу. В Думе Петру Петровичу перевязали его раны».¹¹⁵ «“Известия” Комитета петроградских журналистов»,

желая, видимо, оправдать «революционных солдат» за ранение старого генерала, писали, что Баранов оказал «сопротивление при аресте».¹¹⁶ 2 марта был доставлен в Таврический дворец раненный в голову бывший товарищ министра внутренних дел С.П.Белецкий.¹¹⁷

1 марта при снятии полицейской засады в здании Удельного ведомства солдатами 171-го и 176-го пехотного полков, попавшими под пулеметный огонь, один городской пострадал от самосуда. Кто-то из толпы сумел выколоть ему глаз. Затем всех городских под конвоем повели в Государственную думу.¹¹⁸ В этот же день получил ранение при задержании солдатами С.Г.Мухин, служивший в Охранной команде. 2 марта при задержании были ранены солдатами полицейский надзиратель Божков и писарь Мацкевич. Ранения получили также полицейские В.Михайлов и В.Ширлогуб. Все они, после оказания первой медицинской помощи во врачебном кабинете Санитарного отдела Государственной думы, были направлены в арестантское отделение Николаевского военного госпиталя.¹¹⁹

Укажем, что по данным Регистрационно-справочного бюро Всероссийского союза городов в дни революции среди пострадавших было: 50 раненых и 11 убитых полицейских, 9 больных, 40 раненых и 11 убитых офицеров.¹²⁰ Эти сведения, на наш взгляд, являются заниженными, представителей сил правопорядка и офицеров пострадало значительно больше. К сожалению, точных сведений в нашем распоряжении не имеется. Но нами установлено, что врачебный кабинет Санитарного отдела Государственной думы на начало марта 1917 г. направил в больницы не менее 62 раненых городских, жандармов и т.д.¹²¹

По нашему мнению, именно деятельность ВКГД и его структур способствовала нарастанию волны арестов, революционного насилия. Большая часть расправ восставших над их жертвами происходила при конвоировании их в Государственную думу или под предлогом доставки их туда.

Подчеркнем, что важную роль в развитии насилия играл также и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.¹²² Конечно, решающее значение имел тот факт, что 28 февраля практически все военно-полицейские центры были уничтожены восставшими, оставались только отдельные очаги сопротивления, которые быстро подавлялись. В свою очередь, центры революции, в том числе и локальные, уже вполне себя проявили и доказали свою жизнеспособность. Они, наряду с функциями руководства восстанием, стали играть, условно говоря, роль новой юстиции. В этих центрах (опорных пунктах революции) создавались свои органы правопорядка — милиции и следственные комиссии. При возможности устраивались арестные помещения.

Аресты, ставшие элементом повседневности революционного Петрограда, вызывали одобрение на местах. Так, из Царицына сообщали, что «арест темных сил произвел колоссальное впечатление и взрыв восторга».¹²³ Из провинции поступали многочисленные сведения о разгроме полиции и жандармерии.¹²⁴ В Москве и на местах этим стихийным акциям различные Советы и комитеты стали придавать организованный характер. 1 марта «Известия» Московского Совета рабочих депутатов сообщали «о распоряжении революционного штаба относительно занятия

охранного отделения, полицейских участков, градоначальства и установления охраны жандармского дивизиона». Начальник гарнизона г. Юрьева Лифляндской губернии генерал Петров сообщал в Петроград, что Комитет студентов, взявший в свои руки организацию милиции, снимает и арестовывает «полицейских чинов». ¹²⁵

Непосредственный вклад в развитие революционного насилия в Москве и провинции внес и ВКГД. Так, 1 марта М.В.Родзянко отправил в Москву телеграмму командующему войсками Московского военного округа генералу И.И.Мрозовскому о событиях в Петрограде: «Правительство в Петрограде не существует. Министр внутренних дел арестован <...> Гарнизон Петрограда признал власть Комитета». Родзянко предложил Мрозовскому подчиниться ВКГД и не устраивать в Москве кровопролития. Председатель ВКГД грозил, что в противном случае Мрозовский ответит «своей головой». ¹²⁶ Родзянко поставил в известность об этой телеграмме московского городского голову М.В.Челнокова. ¹²⁷ Информация об арестах, прокатившихся по Петрограду, а также создание следственных комиссий, несомненно, стали примером к проведению аналогичных действий и в Москве.

2 марта М.В.Родзянко послал телеграмму председателям губернских и уездных земских и городских управ, в которой особо подчеркивалось, что «власть продолжает оставаться в руках Временного Комитета Государственной думы», а «члены старого правительства арестованы и находятся в Петропавловской крепости». ¹²⁸ Эти телеграммы имели решающее значение для местных общественных деятелей, т.к. открывали им «легальную» возможность проводить устранение местной администрации путем арестов.

Пожалуй, наибольший вред нанесли аресты, которые проводились на основе приказа № 1 от 1 марта за подписью М.А.Караулова. В провинции стали думать, что Временное правительство издало закон об аресте всех полицейских и жандармов. Так, в г. Острове, Псковской губернии, начальник гражданской милиции судебный следователь В.А.Баронов-Косицкий, арестовывая полицейских, считал, что «вышел закон об аресте всех чинов полиции». ¹²⁹ Хотя в действительности никакого подобного закона издано не было, о чем прокуратура была вынуждена напоминать местным властям и требовать освобождения незаконно арестованных.

2. Высшая следственная комиссия

Во второй половине дня 27 февраля начали формироваться структуры по приему задержанных. Первая из них представляла собой группу интеллигентов, которой руководил А.Ф.Керенский. Среди членов этой группы были кадет В.А.Оболенский, ¹³⁰ журналист С.С.Марк ¹³¹ и др. Видимо, эта структура просуществовала короткое время.

В «Протоколе событий» Февральской революции указано, что «Временным комитетом были назначены для регистрации опроса, задержания или освобождения» лиц, подвергшихся аресту, члены Государственной думы М.И.Пападжанов, М.Ю.Джафаров и Б.И.Кринский. ¹³² Постановления ВКГД о создании этой «группы для регистрации» обнародовать не удалось. Видимо, его и не было. Скорее всего, она сложилась

стихийно, усилиями отдельных депутатов. Депутат Л.А.Зиновьев вспоминал, как он был одним из тех, кто стоял у истоков организации приема задержанных: «Мы, члены Думы, сразу же организовали их (арестованных — А.Н.) прием, — солдаты их приводили. Мы их принимали, выдавали им свидетельства за нашей подписью, что данное лицо свободно и не подлежит аресту и выпускали их домой». ¹³³

Вскоре была создана Комиссия по приятию задержанных военных и высших гражданских чинов, которую чаще называли Высшей следственной комиссией (ВСК). Члены ВСК 7 марта утверждали, что она была «образована явочным порядком в начале революционного движения». ¹³⁴ П.Н.Миллюков вспоминал, что эта Комиссия была организована при участии члена Государственной думы М.М.Ичас (кадет). ¹³⁵ Ичас подтверждал эти слова Миллюкова. Он писал, что Комиссия по приему арестованных была создана на совещании членов Думы вечером 27 февраля. При формировании состава этой комиссии был применен принцип назначения. ¹³⁶

Активное участие в работе по приему арестованных принимали некоторое время следующие члены Государственной думы: 27 февраля — М.С.Аджемов (кадет) и М.А.Караулов (прогрессист), 27–28 февраля — С.П.Мансырев (кадет), ¹³⁷ несколько дней — октябристы Л.А.Зиновьев и Д.С.Теренин, ¹³⁸ утром 1 марта — Э.П.Беннигсен (октябрист), ¹³⁹ 27 февраля — 2 марта — Н.И.Родзевич (прогрессист). ¹⁴⁰ 1 и 2 марта Н.К.Волков (кадет) сопровождал арестованных сановников в Петропавловскую крепость и в Таврический дворец. ¹⁴¹ Все дни революции работали в ВСК А.Н.Аносов (октябрист), М.Ю.Джафаров (мусульманская группа), А.А.Дуров (кадет), И.А.Каншин (октябрист), Б.И.Кринский (центр), Н.Д.Крупенский 2-й (центр), Л.Г.Люц (октябрист), Н.Г.Марков 3-й (октябрист), Г.С.Унковский (октябрист), Ф.В.Черячукин (кадет). ¹⁴² Председателем ВСК с 27 февраля по 3 марта был М.И.Пападжанов (кадет), 3 марта он вышел из Комиссии. ¹⁴³

Первое время какого-либо правильного делопроизводства в Комиссии не велось. С.П.Мансырев вспоминал, что «допросы писались на клочках бумаги, которые тут же в беспорядке и валялись, а потом выбрасывались вон». ¹⁴⁴ Но вскоре положение резко изменилось. Канцелярская работа была налажена и осуществлялась, главным образом, Г.Г.Силенок, ¹⁴⁵ служившим в Канцелярии Государственной думы. Сложилось производство ВСК, дела которой формировались большей частью из «кратких допросов и постановлений». ¹⁴⁶

С 1 марта в распоряжении ВСК состоял подпоручик Запасного моторно-понтонного батальона Дрезин. ¹⁴⁷ Видимо, он использовался для различных поручений ВСК. Распоряжения Комиссии выполнял также штабс-капитан Запасного батальона л.-гв. Преображенского полка Ф.Ф.Эллиот. ¹⁴⁸ Караульную службу при ВСК несли юнкера Петроградской школы прапорщиков инженерных войск и Владимирского училища. В дальнейшем ВКГД довел до сведения начальников училищ о безукоризненном, внимательном и сознательном выполнении юнкерами возложенных на них обязанностей. ¹⁴⁹ Юнкера охраняли помещения в Таврическом дворце, которые заняла ВСК. Комиссия расположилась в комнате № 34, а в комнатах №№ 35, 35а и 36 помещались арестованные ВСК. ¹⁵⁰

Работа ВСК с первых дней ее существования протекала в трудных условиях. 6 марта 1917 г. Черячукин указывал министру юстиции А.Ф. Керенскому на «неприспособленность помещений Таврического дворца для содержания задерживаемых лиц».¹⁵¹ Конечно, члены ВСК пытались разрешить эту проблему. Г.Г. Перетц писал по этому поводу: «Несмотря на то, что помещение было тесное, комиссия всемерно старалась разместить задержанных возможно комфортабельнее. Из лазаретов общественных организаций были доставлены складные койки. Разрешено было получать из дому постельные принадлежности».¹⁵² Но по мере прибытия все новых и новых задержанных проблема с их размещением обострялась.

Другим условием, которое препятствовало деятельности ВСК, был, по словам Черячукина, «недостаток лиц, знакомых с порядком следственного производства».¹⁵³ Вместе с тем, из 19 депутатов Думы, работавших в ВСК, 12 человек имели юридическое образование, трое были почетными мировыми судьями, а один (Л.А. Зиновьев) был некоторое время кандидатом к временному члену в составе Особого присутствия Правительствующего Сената для суждения дел о государственных преступлениях,¹⁵⁴ т.е. 16 человек имели определенную профессиональную подготовку и опыт судебной работы. Если брать только постоянный состав, то и здесь показатель профессионализма членов ВСК был достаточно высок. Из 11 постоянных членов ВСК 7 депутатов имели юридическое образование, а двое были почетными мировыми судьями. Потребность же в судебных следователях могла быть удовлетворена за счет лиц, перешедших на сторону революции. Но ВСК не сделала попытки пополнить свой состав за счет специалистов. Высшая следственная комиссия оставалась малочисленной и исключительно думской по составу, т.к. ее полноправными членами были только депутаты Государственной думы.

Скажем несколько слов о партийном составе ВСК: центр — 2, октябристы — 8, мусульманская группа — 1, прогрессисты — 2, кадеты — 6. Если брать постоянный состав, то партийность ВСК была следующей: центр — 2, октябристы — 5, мусульманская группа — 1, кадеты — 3. Т.е. и в первом, и во втором случае ВСК можно считать октябристской, хотя и здесь кадеты заняли лидирующие позиции, т.к. они сумели провести на место председателя члена своей партии.

Члены ВСК, докладывая позднее о своей деятельности, утверждали, что смысл работы Комиссии «сводился к необходимости упорядочить, направить в более или менее планомерное русло тот поток арестованных, который образовался». В докладной записке ВСК в адрес Временного правительства утверждалось, что «никаких, конечно, постановлений об арестах не было», «особенно в первые дни». Но тут же авторы записки уточняли: «Обязательная мера задержания применялась, в силу приказа № 1, к чинам наружной и тайной полиции и чинам корпуса жандармов».¹⁵⁵ Выше уже приводились факты отдачи устных и письменных приказов думскими деятелями об арестах сторонников старого режима. Так что в данном случае члены ВСК или проявляли неосведомленность, или сознательно создавали миф о непричастности депутатов Государственной думы, ВКГД и его структур к революционному насилию. Добавим, что и ВСК отдавала

приказы об арестах. Относительно Февральской революции удалось обнаружить только один такой приказ от 2 марта за подписью М.Ю. Джафарова: «Ротмистру [Ф.Ф.] Эллиоту арестовать бывшего члена Комиссии генерала [Н.С.] Батюшина, прапорщика [П.Я.] Логвинского, который имеет отношение к делу [И.Ф.] Манасевича-Мануйлова».¹⁵⁶

В докладной записке сообщалось о характере деятельности ВСК: «Комиссии приходилось наскоро опрашивать доставивших — если они были не только исполнителями поручений — и опрашивать доставленных, затем делать постановления о задержании или освобождении». Авторы записки выделили следующие мотивы для задержания: «<...> или доставленные сами просили о задержании их во дворце во избежание грозящей им опасности, или приходилось применять эту меру изолирования на некоторое время, считаясь с возбуждением против этих лиц войсковых частей, а также в виду сохранения спокойствия как среди них, так и среди широкой публики, ревниво следившей за особенно яркими фигурами».¹⁵⁷

Действительно, факты «самозаключения» в Таврическом дворце получили в дни революции некоторое распространение. Так, 1 марта 1917 г. рабочими Путиловского завода Михайловым «и другими», человек до 15» у себя на квартире был арестован начальник Административной части завода поручик И.М. Фортунато. Арест был произведен по приказу Совета рабочих депутатов. Рабочие сначала доставили его в арестантское помещение на Шпалерной, д.48, а затем перевезли на Сергиевскую ул., д.54, где тоже содержались заключенные. В 8 часов вечера рабочие-путиловцы привезли Фортунато в Таврический дворец. Здесь он попал в руки ВСК. Фортунато позднее писал: «Следственная комиссия Государственной Думы, выслушав мои показания, выдала мне удостоверение на право выхода из здания Государственной Думы, но я просил разрешения остаться в стенах Думы, как единственного, в эти дни, места, где личность каждого оставалась неприкосновенной». Фортунато был помещен в комнату № 35, где находился «по своему желанию» до 18 марта, когда, получив соответствующие документы, покинул Таврический дворец.¹⁵⁸

ВСК выработала особую меру для арестованных офицеров в том случае, если против них не выдвигались какие-либо конкретные серьезные обвинения. Суть ее состояла в том, что офицер немедленно передавался Военной комиссии ВКГД «с обязательством не являться в свою часть».¹⁵⁹ Но и эта мера не всегда была действенной. Солдаты проявляли настойчивость в преследовании своих жертв. Э.П. Беннигсен вспоминал: «Встретил я тут ген[ерала] [Е.Ю.] Бема, б[ывшего] командира 18-го сап[ерного] батальона, с которым я познакомился на фронте. Он имел казенную квартиру в казармах и был трижды приводим в Думу солдатами “по недовольству”. Незадолго до революции он производил инспекторский смотр саперным батальонам, которые нашел распушенными и теперь солдаты проявили за это свое недовольство».¹⁶⁰

ВСК имела отношение и к арестам министров. Но члены ВСК в докладной записке в адрес Временного правительства утверждали, что «большинство сановных лиц лишь случайно проходили через Комиссию».¹⁶¹ Вместе с тем депутат Э.П. Беннигсен вспоминал, что часть задержанных

члены ВСК направляли в Министерский павильон. По словам того же Беннигсена, через ВСК проходили и городовые, которых «отправляли на хоры зала заседаний Думы».¹⁶²

К сожалению, до сегодняшнего дня не появилось ни одной специальной работы, посвященной Высшей следственной комиссии. Поэтому указать точные сведения относительно того, сколько числилось за ней арестованных и сколько она рассмотрела дел, не представляется возможным. Перетц, правда, писал, что в дни революции «число арестованных офицеров отдельного корпуса жандармов и полиции все возрастало и достигло цифры 83-х».¹⁶³ Одна из провинциальных газет сообщила 24 марта, что ВСК за все время своего существования рассмотрела около 600 дел, а число состоящих за ней задержанных «дошло до 60».¹⁶⁴

3. Министерский павильон

Арестованные министры и высшие государственные сановники содержались в Министерском павильоне. Первым «узником» Министерского павильона стал председатель Государственного совета И.Г.Щегловитов, доставленный в Таврический дворец 27 февраля 1917 г. в 5 часов 30 минут вечера.¹⁶⁵ Начальник Петроградского губернского жандармского управления генерал Отдельного корпуса жандармов И.Д.Волков, арестованный по приказу А.Ф.Керенского, стал вторым узником Министерского павильона.¹⁶⁶ Депутат IV Государственной думы С.П.Мансырев вспоминал, что Волков был доставлен в Таврический дворец «уже часов в 10 вечера (27 февраля — А.Н.)».¹⁶⁷ «Петроградская газета» утверждала, что арестованные жандармы, среди которых находился раненный в голову начальник Петроградского жандармского управления генерал И.Д.Волков, были доставлены в Думу ночью.¹⁶⁸ В «Известиях Петроградского Совета» сообщалось, что арестованных привели поздней ночью.¹⁶⁹

Формально Павильон не относился к Государственной думе. А.Ф.Керенский явочным порядком захватил его в свое распоряжение. Он на бланке председателя Государственной думы сам себе выписал удостоверение следующего содержания: «Временный комитет поручает члену Государственной думы Керенскому заведование павильоном министров, где находятся особо важные арестованные лица». Удостоверение подписал М.В.Родзянко.¹⁷⁰

Все арестованные, находившиеся в Министерском павильоне, состояли за Керенским, который имел право ареста, допросы, следствия.¹⁷¹ Известны случаи, когда Керенский согласовывал вопрос об аресте министров с ВКГД. В частности, А.Ф.Керенский получил санкцию от комитета на уже проведенный арест министра финансов П.Л.Барка.¹⁷² Хотя Керенский мог действовать вполне самостоятельно, опираясь на приказ ВКГД об аресте министров, принятый в ночь на 28 февраля 1917 г. Вместе с тем необходимо указать, что приказы об арестах высших чиновников отдавали и другие думские деятели. Среди них депутаты Государственной думы Б.А.Энгельгардт,¹⁷³ М.Ю.Джафаров¹⁷⁴ и Л.И.Пушин. Кроме этого, некоторые аресты лиц, содержащихся затем в Павильоне министров, были проведены по приказам А.И.Гучкова и В.Н.Филипповского. Комнаты Министерского па-

вильона заполнялись арестованными также благодаря деятельности ВСК и отчасти Низшей следственной комиссии.

Заметим, что определение дальнейшей судьбы «узников» Павильона в большей степени находилось в руках А.Ф.Керенского. Он достаточно свободно пользовался правом освобождения задержанных. Р.В.Иванов-Разумник вспоминал, что А.Ф.Керенский лично освободил арестованного солдатами министра здравоохранения Г.Е.Рейна.¹⁷⁵ 1 марта Керенский выпустил из Министерского павильона «старшего врача госпиталя Зимнего дворца и заведующего гаражом Кр[асного] Креста».¹⁷⁶

Контроль над Министерским павильоном осуществляла ВК ВКГД в лице коменданта Таврического дворца. Он отвечал за прием, размещение, охрану и содержание арестованных.¹⁷⁷ По поручению коменданта В.Н.Филипповского фактическим заведующим Министерским павильоном с вечера 27 февраля стал М.М.Оверк.¹⁷⁸ Оверк самостоятельно проводил обыски и изъятия у сановников, находившихся под арестом в Министерском павильоне.¹⁷⁹ Он хранил пакеты с драгоценностями и деньгами, «отобранными при аресте у членов бывшего правительства»,¹⁸⁰ в двух железных ящиках, которые находились в комнате №41.¹⁸¹ Оверк писал, что у него было этих ценностей на 40 тысяч рублей.¹⁸²

Оверк также выполнял ответственные поручения А.Ф.Керенского, В.Н.Филипповского и Л.И.Пушина. Вечером 27 февраля по приказу Филипповского Оверк производил выемку документов у генерала С.С.Хабалова.¹⁸³ Вполне возможно, что Филипповский приказал Оверку арестовать Хабалова, но того не оказалось дома. 1 марта в 10 часов 30 минут утра Оверк получил приказ Керенского арестовать бывшего товарища министра внутренних дел С.П.Белецкого. Оверк доставил Белецкого в Таврический дворец и сдал под арест 2 марта в 6 часов 30 минут вечера.¹⁸⁴ Комендант г. Петрограда депутат Государственной думы Л.И.Пушин выдал 3 марта Оверку удостоверение следующего содержания: «Предъявитель сего врач Михаил Михайлович Оверк состоит в распоряжении Коменданта для особо секретных поручений». По приказу Л.И.Пушина М.М.Оверк арестовал бывшего председателя Совета министров князя Н.Д.Голицына.¹⁸⁵ Вскоре выяснилось, что Оверк — авантюрист, уголовник, обманом пробравшийся на важный пост в Таврический дворец. Оверк был разоблачен подпрапорщиком л.-гв. Литовского полка Н.И.Ходоновичем, который получил сведения об уголовном прошлом самозванца.

Ранее мы уже писали, что Оверк был арестован 7 марта в здании Таврического дворца помощником коменданта К.И.Тимковским.¹⁸⁶ Однако удалось обнаружить свидетельства, уточняющие время и обстоятельства ареста. Во-первых, Ходонович сообщал, что Оверк был арестован им лично.¹⁸⁷ Во-вторых, Оверк уже 1 марта признался в своем уголовном прошлом А.Ф.Керенскому, который обещал разобраться с ним после революции, а пока продолжал давать ему различные поручения.¹⁸⁸ Подчеркнем и то, что Оверк 7 марта 1917 г. сдал караульному начальнику Министерского павильона прапорщику С.Ф.Знаменскому «все пакеты с драгоценностями и деньгами[,] отобранными при аресте у членов бывшего правительства <...> в полной сохранности».¹⁸⁹

Аресты сановников проводили также лица, состоявшие при коменданте Таврического дворца. С вечера 27 февраля двое суток работали при коменданте студент Политехнического института Г.М.Мичурин и адъютант л.-гв. Гренадерского полка капитан князь Максотов. Они использовались комендантом Таврического дворца «для доверительных поручений ареста представителей верхушки царской власти». Мичурин вспоминал, что принимал арестованных А.Ф.Керенский.¹⁹⁰ К арестам привлекались и другие офицеры ВК ВКГД, в частности, прапорщик С.Ф.Знаменский.¹⁹¹

Министерский павильон имел военную охрану. Вечером 27 февраля караульным начальником Министерского павильона оказался унтер-офицер Запасного батальона л.-гв. Преображенского полка Ф.М.Круглов. По словам Круглова, Керенский назначил его своим адъютантом. Рано утром 28 февраля по собственной инициативе во главе охраны Министерского павильона встал прапорщик 1-го запасного пехотного полка С.Ф.Знаменский, т.е. занял должность караульного начальника. Современник указал функциональные обязанности Знаменского: «<...> нес охрану министерского павильона, зорко следя за арестованными сановниками», «каждого вновь прибывшего арестованного сам тщательно осматривал, опрашивал», «все вещи и деньги отбирал, причем каждая мелочь записывалась в книгу, деньги и ценные вещи укладывались в пакеты и отправлялись в кассу Временного Комитета». Караульную службу при Павильоне несли, в частности, рядовые 4-й роты Запасного батальона л.-гв. Преображенского полка Л.Савченко и Т.Свинолуц.¹⁹²

Группа студентов и курсисток оказывала помощь караулу, несшему охрану Министерского павильона. С утра 28 февраля работали в Павильоне курсистки Азанчевская, Бургина, Компанец и Фитерман, а также студенты А.Барон и Москвин. По словам современника, «они исполняли все поручения караула, относили пакеты, хлопотали о чае и еде для заключенных и т.д.».¹⁹³ Министр финансов П.Л.Барк писал, что среди сотрудников Министерского павильона были «три революционера с большими красными бантами <...> Один из них, средних лет, был чиновник Министерства земледелия, другой был студентом Горного института в Петрограде <...> Третий <...> студент Московского технического училища». Они, если верить мемуаристу, развлекали заключенных разговорами, приносили им газеты — «“Известия” Комитета петроградских журналистов». Барк также вспоминал, что они приводили экскурсантов из числа «революционных солдат и матросов, показывая им арестованных, называя нас по именам и сопровождая это некоторыми своими комментариями». Кроме того, у этих троих «сотрудников Министерского павильона» было конкретное задание. Они, по свидетельству Барка, являясь членами Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, контролировали деятельность Керенского в Министерском павильоне.¹⁹⁴

Важную работу в Министерском павильоне выполняла целая группа депутатов Государственной думы, которая занималась приемом, обыском и опросом арестованных министров и высших сановников. Депутаты также следили за условиями содержания. Тем самым они, во-первых, помогали Керенскому, а во-вторых, проводили думский контроль за его деятельностью.

Приемом арестованных занимались В.М.Вершинин (трудолик),¹⁹⁵ М.Ю.Джафаров (мусульманская группа),¹⁹⁶ А.А.Дуров (кадет),¹⁹⁷ Н.Д.Крупенский (центр),¹⁹⁸ В.Н.Львов (центр),¹⁹⁹ М.И.Пападжанов (кадет),²⁰⁰ П.В.Синадино (центр).²⁰¹ П.Г.Курлов, доставленный в Таврический дворец 28 февраля, вспоминал, что в Министерском павильоне его обыскивали комиссары, среди которых был «член Государственной Думы из рабочих, известный мне ранее по своим истерическим и бессмысленным речам».²⁰² В Петрограде тогда было два депутата-рабочих — В.И.Хаустов и И.Н.Туляков. Кто из них работал в Министерском павильоне, установить пока не удалось.

За условиями содержания арестованных следил депутат А.М.Александров (кадет).²⁰³ Э.П.Беннигсен (октябрист) по просьбе А.Ф.Керенского 1 марта посетил Министерский павильон с целью выяснить, «кто там вообще сидит».²⁰⁴

Керенский привлекал к работе Министерского павильона и людей, не являвшихся членами Государственной думы. В.И.Чарнолуцкий рассказывал, как он вместе с Л.М.Брамсоном по поручению А.Ф.Керенского снимал показания с жандармского ротмистра, который добровольно явился в Таврический дворец с доносом на жандармского полковника, служившего на ст. Белоостров. Ротмистр показал, что полковник и его жена способствовали свободному передвижению через границу курьеров императрицы Александры Федоровны, провозивших «ее секретные пакеты в Германию и из Германии к ней». Полковника арестовали 3 марта по ордеру Министерства юстиции, а Чарнолуцкий был «командирован для производства обыска на городской квартире полковника».²⁰⁵ Чарнолуцкий рассказывал о полковнике Отдельного корпуса жандармов В.А.Тюфяеве, которого после ареста содержали в Министерском павильоне.²⁰⁶

Допросы «узников» Министерского павильона имели целью не только сбор компромата на царствовавшую семью, но и получение сведений, необходимых для завершения разгрома военно-полицейских центров. Известно, что министр внутренних дел А.Д.Протопопов, пришедший в Таврический дворец и сдавший студенту в 11 часов 15 минут вечера 28 февраля,²⁰⁷ имел беседу с А.Ф.Керенским. Е.П.Казанович писала, что Н.А.Котляревский со слов А.И.Гучкова рассказывал о том, что «Протопопов передал Керенскому составленный им план охраны города». Этот план был составлен Протопоповым к 14-му февраля: «<...> он сам разместил пункты, где должны были быть установлены пулеметы, он вооружил полицию и обещал по 40 р[ублей] в день каждому, кто будет поддерживать огонь».²⁰⁸ Полученная информация, несомненно, была использована в ходе восстания.

Точное количество сановников, содержавшихся в Министерском павильоне в дни Февральской революции, пока не установлено. Перетц привел в своих воспоминаниях фамилии 58 сановников, которые содержались в Министерском павильоне Таврического дворца.²⁰⁹ По нашим подсчетам «узников» было около 70 человек.

4. Низшая следственная комиссия

В Таврическом дворце действовала также Следственная комиссия, в составе которой не было членов Государственной думы. Какого-либо

определенного названия в дни Февральской революции она не получила. Сами члены этой Комиссии именовали ее «Комиссией по аресту»,²¹⁰ «Комиссией арестов»,²¹¹ «Комиссией по опросу арестованных»,²¹² «Комиссией по опросу и аресту»,²¹³ «Комиссией по отбиранию оружия»,²¹⁴ «Комнатой арестов»,²¹⁵ «Комиссией при Коменданте», «Комиссией при Коменданте Энгельгардте»,²¹⁶ «Следственной комиссией»,²¹⁷ «Комиссией Комитета»²¹⁸ и даже «Временным комитетом».²¹⁹ Комендант Таврического дворца Г.Г.Перетц называл ее «маленькая комиссия»,²²⁰ а в газетах именовали «малой следственной комиссией».²²¹ Члены Высшей следственной комиссии говорили о ней как о «низшей комиссии».²²² Под этим условным названием — Низшая следственная комиссия (НСК) — она и вошла в историю Февральской революции.

Происхождение НСК, а также ее взаимоотношения с Государственной думой не изучены. Имеющиеся же суждения по этим вопросам, во-первых, высказывались преимущественно современниками событий, и, во-вторых, носили противоречивый характер. Так, например, члены ВСК депутаты Ф.В.Черячукин, Л.Г.Люц, Н.Г.Марков 3-й, А.Н.Аносов и Н.Д.Крупенский 2-й 7 марта 1917 г., обращаясь к товарищу министра юстиции А.С.Зарудному, утверждали, что НСК «в нашем ведении не находится».²²³ 10 апреля 1917 г. Черячукин, Марков 3-й, Крупенский 2-й и Г.С.Унковский сообщали Временному правительству о том, что НСК возникла явочным порядком, не являлась комиссией Государственной думы и существовала параллельно с Высшей комиссией.²²⁴ Следуя высказываниям членов ВСК, Низшую следственную комиссию необходимо характеризовать как структуру, возникшую самовольно и прикрывавшуюся авторитетом Государственной думы (и только!).

Вместе с тем существует и другая точка зрения, которую выразил состоявший для особых поручений при прокуратуре Петроградской судебной палаты присяжный поверенный Б.Г.Сергиев. Расследуя деятельность некоторых членов Комиссии, он попытался установить лиц, имевших отношение к ее созданию. По свидетельству Сергиева, депутаты Государственной думы М.А.Караулов, М.С.Аджемов, М.И.Пападжанов и М.Ю.Джафаров участвовали в формировании состава НСК.²²⁵ Все они являлись членами Высшей следственной комиссии, а Пападжанов с начала деятельности этой Комиссии и до 3 марта был ее председателем. Затем его сменил Джафаров, который возглавлял ВСК 4 и 5 марта.²²⁶ Караулов, кроме этого, был членом ВКГД и его Военной комиссии, а с 1 марта — комендантом Таврического дворца и его района.²²⁷ Свой вклад в формирование состава НСК, по утверждению Сергиева, внес также секретарь председателя Государственной думы В.Н.Садьков.²²⁸ Иначе говоря, Сергиев проводил мысль о том, что НСК действовала в поле думского влияния. Конечно, это утверждение требует проверки и поиска дополнительных доказательств, что и будет предпринято ниже.

Теперь перейдем непосредственно к выяснению обстоятельств возникновения и деятельности НСК. Б.Г.Сергиев писал, что в дни Февральской революции Комиссия располагалась сначала в комнатах № 43 и № 44 Таврического дворца, а затем получила в свое распоряжение еще и комнату № 4.²²⁹ Участники событий тоже называли комнаты № 43 и № 44, в

которых работали члены НСК, но о комнате № 4 ничего не говорили. Комната № 4, кстати, находилась на «советской» половине Таврического дворца. Поэтому уместно предположить, что в ней разместилась Следственная комиссия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, первое упоминание о которой относится к 5 марта 1917 г.²³⁰

Что касается точного времени начала деятельности НСК, то здесь существуют разночтения. Так, Л.П.Голощапова писала, что НСК приступила к своей работе 28 февраля.²³¹ По свидетельству же С.В.Гольмана, Следственная комиссия начала принимать городских уже 27 февраля.²³² Но и Голощапова, и Гольман вошли в состав НСК только 28 февраля и поэтому могли ошибаться.

Обращение к другим документам позволяет все-таки согласиться с утверждением Гольмана. Так, студент Рижского политехнического института Э.Ю.Падва позднее рассказывал, что пришел в Государственную думу «под вечер 27 февраля[,] приведя двух арестованных городских, и после этого остался в комнате арестов № 44».²³³ В одном из дел НСК хранится полоска бумаги со списком арестованных, к которому сделана приписка: «Теплицкий работал с 27/II в Следственной комиссии».²³⁴

Несомненно, что важнейшим источником для выяснения точной даты начала деятельности Комиссии являются датированные протоколы опросов. Но таких документов за подписями Э.Ю.Падвы и Г.Ф.Теплицкого от 27 февраля 1917 г. обнаружить не удалось. Известно, правда, что 1 марта вольноопределяющийся л.-гв. Гренадерского полка Г.Ф.Теплицкий был караульным начальником НСК.²³⁵ Видимо, эту же должность он занимал и ранее. В обязанности караульного начальника опрос задержанных лиц не входил. Поэтому протоколов за его подписью быть и не могло. Что касается Э.Ю.Падвы, то он показал о своей деятельности следующее: «Там (в комнате № 44 — А.Н.) я исполнял более административные функции, чем лично производил дознания и опросы. Я давал указания <...> студентам <...> как снимать показания и как обыскивать арестованных».²³⁶ Опираясь на показания Падвы, можно сделать некоторые предположения. Во-первых, он, видимо, был первым заведующим комнатой № 44. Во-вторых, ввиду того, что Падва 27 февраля не снимал показаний с задержанных, то и протоколов за его подписью не было. В-третьих, 27 февраля в комнате № 44 прием задержанных проводили какие-то студенты, т.е. должны были остаться протоколы опросов лиц, доставленных в эту комнату. К сожалению, пока обнаружен единственный протокол опроса, датированный 27 февраля. Этот опросный лист составил студент Психоневрологического института И.Я.Книгов: «27/II[,] Иванов Мих[аил] Иван[ович] городов[ой] 3 Лит[ейной] части[,] живет[.] Кирочная д[.] 27[,] кв[.] 9[,] Арестован на улице. Оружие взято. Ранен солдатами».²³⁷

Итак, по крайней мере, вечером 27 февраля 1917 г. в комнате № 44 работали студенты И.Я.Книгов и Э.Ю.Падва, а также вольноопределяющийся Г.Ф.Теплицкий. Кто направил Книгова и Падву в комнату № 44, не известно. Что касается Теплицкого, то караульная служба в Таврическом дворце находилась в ведении Комендантского отдела ВК ВКГД (КО ВК ВКГД). Заметим, что Книгов 4 марта еще оставался членом НСК,²³⁸

а Теплицкий исполнял обязанности начальника караула Следственной комиссии и 6 марта 1917 г.²³⁹

28 февраля состав следователей изменился. Утром этого дня Э.Ю.Падва перешел работать в другую «Комнату арестов». ²⁴⁰ В комнате № 44 появился новый следователь — студент Петроградского университета С.В.Портнов. С утра 1 марта он стал новым заведующим комнатой № 44. По крайней мере, есть свидетельства двух членов НСК о том, что С.В.Портнов днем и вечером 28 февраля распоряжался в комнате № 44. ²⁴¹ По словам одного из членов НСК, Портнов действовал на основе полномочий, данных ему М.А.Карауловым. 28 февраля Портнов ушел из комнаты после 11 часов вечера и вернулся только около 3 часов ночи 1 марта. ²⁴² Всего Портнов проработал в НСК по крайней мере 3 дня — 28 февраля, 1 и 2 марта. ²⁴³

Чем занимался Портнов до начала своей деятельности в комнате № 44, ни один из членов Комиссии не говорил. В связи с этим определенный интерес представляют показания городского 4-го участка Литейной части О.А.Переломеца. Он утверждал, что днем 28 февраля в комнате № 44 его обыскивал «студент высокого роста в университетской форме в студенческой фуражке <...> с ним был еще студент тоже университета <...> У студентов были повязки санитаров Красного Креста». ²⁴⁴ Одним из двух студентов Петроградского университета в составе НСК и был С.В.Портнов. Т.е., 27 февраля он мог принимать участие в деятельности студенческого санитарного отряда, базировавшегося в здании Государственной думы.

По свидетельству околоточного надзирателя Петроградской столичной полиции И.Н.Цымлова, после 9 часов утра в комнате № 44 Таврического дворца запись изъятых у него имущества вел солдат-санитар. ²⁴⁵ В показаниях других лиц, находившихся в этой же комнате, среди сотрудников НСК упоминался «солдат с синими погонами с Красным Крестом на них», «нижний чин санитарного отряда Красного Креста». Б.Г.Сергиев считал, что этим солдатом-санитаром был С.Кудрявцев. ²⁴⁶ По сохранившимся протоколам опросов можно предположить, что Кудрявцев отработал в Комиссии два дня — 28 февраля ²⁴⁷ и 1 марта. ²⁴⁸

Около 12 часов дня 28 февраля в комнате № 44 проводили следственные мероприятия студенты Психоневрологического института С.Н.Дукельский и Л.М.Дукорский. В частности, они обыскали полицейского надзирателя Н.М.Гладкого. Он, кстати, оставил описание Дукорского: «<...> студент без формы, с курчавыми волосами, <...> в белой рубашке». ²⁴⁹ Дукельский, видимо, был членом НСК только 28 февраля. По крайней мере, документальных данных, подтверждающих его работу в «комнатах арестов» после 28 февраля, обнаружить не удалось. Что касается Дукорского, то он продолжал исполнять обязанности члена Комиссии и 3 марта. ²⁵⁰

Городовой 2-го участка Литейной части Г.К.Семида вспоминал, что около 12 часов дня в какой-то комнате его обыскали «два чиновника и два студента» и отобрали кошелек с деньгами. В делах НСК обнаружена расписка на изъятие денег за подписью Петрова. Позднее Семида показывал, что обыск был в комнате № 44. ²⁵¹ Несомненно, что Петров был членом Низшей комиссии, но работал в ней короткое время. Кроме Се-

миды, Петров допросил еще городского 1-го участка Выборгской части Е.И.Самсонова. ²⁵² Других свидетельств участия Петрова в деятельности НСК не выявлено.

Около 2 часов дня 28 февраля в комнате № 44, по словам городского О.А.Переломеца, находился солдат Преображенского полка, который «считал деньги». Фамилия солдата-преображенца в делах Следственной комиссии не обнаружена. Этот же городской вспоминал еще об одном сотруднике Комиссии: «По середине комнаты с голой шашкой с георгиевским темляком ходил военный в серой шапке, обязанной красной лентой. Но он в обысках участия не принимал». ²⁵³ Скорее всего, этим военным был караульный начальник Теплицкий. Тогда же появился новый сотрудник — студент Петроградского университета А.А.Куроптев. Позднее он показывал, что получил направление в «Комнату арестов» по распоряжению М.А.Караулова. Видимо, Куроптев и был тем вторым студентом Петроградского университета с повязкой Красного Креста, о котором сообщал городской Переломец. Куроптев говорил, что работал в Таврическом дворце с 27 февраля. ²⁵⁴ Т.е., до начала своей деятельности в комнате № 44 он вполне мог быть членом студенческого санитарного отряда. Куроптев за 28 февраля и 1 марта ²⁵⁵ опросил и обыскал 11 человек. ²⁵⁶ 1 марта он вышел из состава НСК. ²⁵⁷

Днем 28 февраля в комнату № 44 пришел студент Психоневрологического института С.В.Гольман, который объяснял свое решение стать следователем тем, что тогда в Комиссии «ощущался большой недостаток <...> в работах». Гольман вспоминал, что ему предложил работать в Комиссии студент Розенштейн, «находившийся в комнате коменданта, обладавший полномочиями выдавать пропуска, удостоверения и т.д.». ²⁵⁸ Т.е. Гольман получил назначение от Комендантского отдела ВК ВКГД и оставался членом НСК вплоть до 5 марта 1917 года. ²⁵⁹

Около 4–5 часов вечера 28 февраля полицейский надзиратель 2-го участка Петроградской части Г.Л.Эллер был опрошен студентом Консерватории Коганом. ²⁶⁰ Сведений о работе Когана в «Комнате арестов» в последующий период не обнаружено.

Приблизительно с 9 часов вечера 28 февраля и до 3 часов ночи 1 марта в «Комнате арестов» (№ 44) снимал опросы и проводил обыски студент Психоневрологического института И.Р.Мещанский. Он был направлен следователем в «Комнату арестов», видимо, ВК ВКГД. ²⁶¹

По свидетельству Мещанского, около 11 часов вечера 28 февраля или чуть позже появилась курсистка Женского медицинского института Л.П.Голошапова. ²⁶² Работая в комнате № 44, она подписывала документы как член «Комиссии при Коменданте» или «Комиссии при Коменданте Энгельгардте». Это говорило о ее назначении в состав Комиссии самим Б.А.Энгельгардтом, который был председателем ВК ВКГД, начальником гарнизона г. Петрограда и комендантом Петрограда. Голошапова проработала в Комиссии с 28 февраля по 6 марта. ²⁶³ Вместе с Голошаповой пришел вольноопределяющийся 1-й запасной тяжелой артиллерийской бригады С.Д.Гинзбург. Заметим, что он имел юридическое образование, которое получил в Петроградском университете. ²⁶⁴

1 марта состав следователей изменился. Мещанский, придя в комнату № 44 в 12 часов дня, «заметил несколько новых работающих лиц»,²⁶⁵ но фамилий их не указал. Среди новых членов НСК оказался студент Политехнического института В.А.Квасков. 6 мая 1917 г. он рассказывал о своей деятельности в «Комнате арестов»: «В Таврический Дворец явился я 28 февраля вечером и предложил в комнате офицеру свои услуги и им был приглашен в качестве понятого для обыска Зимнего дворца и ареста его администрации. <...> Вернулся в Тавр[ический] Дворец около 2 часов ночи и ушел домой. Затем с утра 1-го марта явился в комнату № 42, откуда меня послали работать в комнату № 44 по обыскам и опросам доставленных арестованных городских и явившихся добровольно». Т.е., Квасков 28 февраля сотрудничал с Военной комиссией ВКГД, а утром 1 марта именно она направила его в комнату № 44. Всего Квасков проработал в «Комнате арестов» два дня – 1 марта до 11 часов вечера и весь день 2 марта, опросив в первый день 50–60 человек, а во второй – 15.²⁶⁶

По свидетельству участников событий, в этой же комнате 1 и 2 марта проводил опросы задержанных студент Сельскохозяйственного института В.Д.Лейман.²⁶⁷ Вольноопределяющийся Петроградского полка из студентов Сельскохозяйственного института В.Д.Лейман вошел в состав НСК, имея полномочия от члена Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Г.С.Хрусталева-Носаря. Лейман был послан в Комиссию для «удостоверения личностей рабочих, арестованных в общей массе задержанных и находящихся под стражей в Таврическом дворце».²⁶⁸ 1 марта здесь же короткое время находился Г.Смирнов, который обыскал и установил личность А.И.Емельянова, ошибочно арестованного как городского.²⁶⁹ Смирнов, видимо, имел какое-то отношение к Совету рабочих депутатов, т.к. именовал себя представителем «общей организации по движению рабочей партии».²⁷⁰

После 8 часов вечера 1 марта начал свою деятельность студент Психоневрологического института Е.Э.Черномордик. До этого он принимал задержанных в арестном помещении, устроенном КО ВК ВКГД на ул. Шпалерной, д.48.²⁷¹ В комнате № 44 Таврического дворца он, в частности, обыскал и опросил арестованного у родственников городского 1-й роты Петроградской полиции А.Е.Андреева²⁷² и добровольно явившегося в Таврический дворец агента Охранного отделения А.Брыткова.²⁷³ Черномордик снимал показания с задержанных и на следующий день, т.е. 2 марта.²⁷⁴

Ко 2 марта относятся упоминания о работе в НСК прапорщика Новицкого²⁷⁵ и студента Г.Рукина.²⁷⁶ Новицкий в этот день опросил городского С.М.Акулича, который добровольно сдался патрулю на Забалканском пр. и был доставлен солдатами в Таврический дворец,²⁷⁷ а Рукин – добровольно явившегося жандармского унтер-офицера В.Герасимова.²⁷⁸

Член НСК студент Квасков вспоминал, что в комнате № 44 работал прапорщик со значком инженера («блондин высокого роста с продолговатым лицом»). По мнению Кваскова, это был самозванец, т.к. он при обыске изъясил у одного из задержанных более 1000 рублей, а потом скрылся.²⁷⁹

Итак, за все время Февральской революции в комнате № 44 успели поработать 20 человек (С.Д.Гинзбург, Л.П.Голощапова, С.В.Гольман, С.Н.Дукельский, Л.М.Дукорский, В.А.Квасков, И.Я.Книгов, Коган,

С.Кудрявцев, А.А.Куроптев, В.Д.Лейман, И.Р.Мещанский, Новицкий, Э.Ю.Падва, Петров, С.В.Портнов, Г.Рукин, Г.Смирнов, Г.Ф.Теплицкий, Е.Э.Черномордик). Если же считать солдата-преображенца и прапорщика-самозванца, то членов НСК, выполнявших различные обязанности в комнате № 44, было 22. По крайней мере 8 из них были назначены в «Комнату арестов» Военной комиссией ВКГД и ее Комендантским отделом. Хотя А.А.Куроптев был уверен, что все студенты в комнате № 44 исполняли обязанности следователей согласно распоряжению М.А.Караулова.²⁸⁰ В формировании состава этой «Комнаты арестов», кроме М.А.Караулова, также приняли участие член ВКГД и ВК ВКГД Б.А.Энгельгардт и сотрудник КО ВК ВКГД студент Розенштейн.

Что касается комнаты № 43, то первые упоминания о ней относятся к 28 февраля.

Полицейский надзиратель 2-го участка Петроградской части А.М.Сизиков 28 февраля «был схвачен рабочими на улице» и доставлен в Таврический дворец. 12 апреля 1917 г. Сизиков писал, что в 9 часов утра 28 февраля он был подвергнут личному обыску, который «производил мл[адший] унт[ер]-оф[ицер] из вольноопределяющихся, а опрос производил и запись отобранных денег, студент Петроградского университета». 13 мая 1917 г. Сизиков дополнительно показал, что его обыскивал в комнате № 43 «высокий студент <...> универсант».²⁸¹ В делах НСК найден протокол опроса Сизикова, датированный 28 февраля и подписанный Левиным.²⁸² Т.е., можно утверждать, что Левин был студентом Петроградского университета. Он, кстати, пробыл членом НСК всего один день и 1 марта в комнату № 43 не явился.²⁸³ Что касается унтер-офицера, то с 28 февраля по 6 марта в «Комнате арестов» (№ 43) обыски проводил младший унтер-офицер 21-го Сибирского полка В.Герасимов.²⁸⁴

Э.Ю.Падва рассказывал еще об одном члене НСК: «В комнате № 43 за столом сидел студент или реалист высокого роста, черный бритый»; деньги у зрителя арестного дома Петровской части А.Г.Прошлецова изымал «реалист в черной тужурке-гимнастерке высокого роста, худощавый, брюнет с черными большими бровями».²⁸⁵ Служащий Канцелярии Государственной думы Л.Д.Никифоров тоже вспомнил о молодом человеке «высокого роста», учащемся коммерческого училища, работавшем в комнате № 43.²⁸⁶ Б.Г.Сергиев установил, что этим членом НСК был учащийся коммерческого училища Селикова Э.Л.Вайнштейн. Кто его направил в «Комнату арестов», Вайнштейн при допросе его Сергиевым не раскрыл. Он ограничился лишь коротким замечанием: «Я 28 февраля с/г. в дни революции явился в Государственную думу; там мне предложили работать в следственной комиссии <...> Все время 28 февраля я работал в комнате № 43».²⁸⁷ Секретарь же председателя Государственной думы В.Н.Садыков утверждал, что Э.Л.Вайнштейн показывал удостоверение за подписью одного из членов ВСК. Садыков говорил, что такие удостоверения «подписывали все члены Госуд[арственной] Думы из этой Комиссии», но в большинстве случаев этим занимался М.И.Пападжанов.²⁸⁸ Т.е., Вайнштейн был направлен в комнату № 43 кем-то из ВСК. По словам самого Вайнштейна, он «работал всего один день».²⁸⁹ Но служащий

Канцелярии Государственной думы Л.Д.Никифоров вспоминал: «<...> на следующий день (1 марта – А.Н.) он (Вайнштейн – А.Н.) явился и опять в той же комнате продолжал производить обыски у арестованных. Всего он в той комнате и вообще в думе был около недели».²⁹⁰ В.Н.Садыков говорил, что видел Вайнштейна в Государственной думе и после 28 февраля и давал советы, когда у того возникали «сомнительные случаи».²⁹¹ Предположительно Вайнштейн был заведующим комнатой № 43.

Помощник коменданта подпрапорщик Н.И.Ходонович рассказывал, что в комнате № 43 проводил обыски студент, который «носил черную тужурку, <...> среднего роста, брюнет, бритый, кажется, коммерческого института».²⁹² Возможно, речь вновь идет о Вайнштейне. Правда, не сходится описание: учащийся коммерческого училища был высокого роста, а студент Коммерческого института – среднего.

Подполковник Генерального штаба А.Дурново вспоминал о матросе 2-го флотского экипажа, который проводил обыски утром 28 февраля.²⁹³ Об этом матросе писал также старший помощник пристава 1-го участка Спасской части капитан А.Ф.Длужневский.²⁹⁴ Но ни пострадавшие от обысков, ни члены Комиссии фамилию матроса не назвали. По свидетельству одного из членов НСК, в комнате № 43 утром 28 февраля некоторое время работал какой-то студент Психоневрологического института. Фамилию студента он вспомнить не смог, но описал так: «<...> среднего роста с большой шевелюрой».²⁹⁵

Утром 28 февраля в комнату № 43 из комнаты № 44 перешел Э.Ю.Падва. Он сообщил о своих обязанностях следующее: «<...> в комнате № 43 обысков и опросов не производил», а «заведовал пропуском арестованных, охраной их».²⁹⁶

Многие участники событий называли среди членов НСК присяжного поверенного М.Г.Владимирова.²⁹⁷ Вайнштейн, в частности, говорил, что Владимирова появился в комнате № 43 и стал помогать ему в работе 28 февраля «с 6 часов вечера».²⁹⁸ До этого Владимирова работал в комнатах Военной комиссии ВКГД. Установить это удалось благодаря показаниям задержанных полицейских. Так, полицейский надзиратель Н.М.Гладкий сообщал о том, как его в комнате № 41 в 12 часов дня принял «комендант Таврического дворца». Ниже он разъяснил: «Комендантом был чиновник с белыми погонами в чине Кол[лежского] Регистратора, тужурка на нем была кофейного цвета».²⁹⁹ Полицейский надзиратель 2-го участка Петроградской части Г.Л.Эллер рассказывал, что около 4-5 часов дня 28 февраля в комнате, где принимали доставленных задержанных, работал «господин в военной форме, в чине Коллежского регистратора и[,] кажется[,] по фамилии “Владимиров”».³⁰⁰ Полицейский надзиратель 2-го участка Казанской части А.Шмелев писал, что вечером 28 февраля он добровольно явился в Государственную думу и был принят в комнате № 41 Владимирова.³⁰¹ Иначе говоря, М.Г.Владимиров был сотрудником КО ВК ВКГД по приему задержанных в комнате № 41.

Вайнштейн, рассказывая о помощниках, появившихся у него вечером 28 февраля, кроме Владимирова назвал еще и студента «сельскохозяйственных курсов».³⁰² Среди членов НСК только один человек имел отно-

шение к учебному заведению сельскохозяйственного профиля. Прапорщик 145-го Новочеркасского полка Новицкий вспоминал, что в Комиссии «в костюме военного чиновника с[о] значком сельского института» работал В.Д.Лейман.³⁰³

Первые четыре дня существования НСК в комнате № 43 принимал арестованных А.Р.Контюхин (Иванов).³⁰⁴ По словам служащего Канцелярии Государственной думы Л.Д.Никифорова, «была почти все время в качестве сестры милосердия Евдокия Леонтьевна Турцевич».³⁰⁵ С вечера 1 марта здесь же работал чиновник Главного Военно-санитарного управления Н.Г.Катериненко, носивший форму военного врача.³⁰⁶ Других членов НСК, работавших в этой «Комнате арестов», выявить не удалось.

Итак, начиная с 28 февраля и все дни Февральской революции, в комнате № 43 исполняли различные обязанности 9 человек (Э.Л.Вайнштейн, М.Г.Владимиров, В.Герасимов, Н.Г.Катериненко, А.Р.Контюхин (Иванов), Левин, В.Д.Лейман, Э.Ю.Падва, Е.Л.Турцевич). Если учитывать матроса и студента Психоневрологического института, фамилии которых остались неизвестными, то в комнате было 11 сотрудников.

В ряде случаев определить время вхождения некоторых членов в состав НСК, а также комнаты, в которых они проводили обыски и опросы задержанных, не представляется возможным. Не известно, в какой из «комнат арестов» работали 1 марта студент Д.Майзельс, прапорщик Нейман и студент 2-го курса медицинского факультета Психоневрологического института Б.Д.Шапиро,³⁰⁷ а 2 марта – выпускник юридического факультета Петроградского университета вольноопределяющийся 176-го пехотного запасного полка Д.Н.Гершкович и студент В.Кримкер.

Участие всех указанных выше лиц в деятельности НСК подтверждается сохранившимися протоколами опросов. Так, Майзельс обыскал и опросил городского 1-го участка Спасской части О.М.Ракаса, прапорщик Нейман – городского 2-го участка Невской части Е. Дьякова³⁰⁸, а Шапиро – городского 8-й роты Петроградской столичной полиции И.М.Бабюка.³⁰⁹ Всего за Шапиро числилось 26 человек.³¹⁰ Нейман и Шапиро состояли членами НСК только 1 марта,³¹¹ а Майзельс продолжал работать в «Комнате арестов» вплоть до 3 марта.³¹² Гершкович провел следственные действия в отношении городского 3-го участка Петроградской части И.А.Антонова, добровольно явившегося в Таврический дворец.³¹³ Кримкер опрашивал надзирателя Сысской полиции П.В.Ошуркова.³¹⁴

Не удалось выяснить, когда вошли в состав НСК и в каких «комнатах арестов» работали В.Гримм (?),³¹⁵ Р.В.Долинская,³¹⁶ выпускник юридического факультета Петроградского университета, поэт-авангардист И.М.Зданевич,³¹⁷ В.Д.Келов (?),³¹⁸ Ю.Личман,³¹⁹ М.П.Мошков,³²⁰ рядовой 6-й роты пехотного полка П.Н.Николаев³²¹ и М.Остромочильский (Остромогильский).³²²

Всего в дни Февральской революции в Комиссию входило (в разное время) 43 человека. Из них 19 студентов различных высших учебных заведений, 1 курсистка и 1 учащийся училища, 12 военных (1 чиновник Главного Военно-санитарного управления, 3 прапорщика, а остальные – унтер-офицеры и рядовые), 1 присяжный поверенный, 1 служащая Госу-

дарственной думы, 1 поэт-авангардист и 7 человек, занятия которых установить не удалось. Подчеркнем, что юристов в Комиссии оказалось недостаточное количество. Среди членов НСК был один присяжный поверенный (Владимиров) и 3 имели оконченное высшее юридическое образование (Гершкович, Гинзбург и Зданевич). Поэтому профессиональный уровень Комиссии был низкий.

Приведенные выше факты дают основание предположить, что в первое время после своего создания Комиссия как единая структура не существовала, а функционировала как отдельные «комнаты арестов». Следователи, работавшие в комнате № 44, назначались и подчинялись КО ВК ВКГД. В свою очередь сотрудники комнаты № 43 подчинялись ВСК. Именно в эту «Комнату арестов» Пападжанов назначал сотрудников. Садыков считал, что комната № 43 была «как бы отделением» ВСК.³²³ Укажем также и то, что первой, вечером 27 февраля, начала свою работу та часть НСК, которая разместилась в комнате № 44 и находилась в подчинении КО ВК ВКГД. Только утром 28 февраля начала функционировать комната № 43 как подразделение ВСК.

Подтверждением того, что НСК первоначально действовала как отдельные «комнаты арестов», является распределение функций, которое сложилось между комнатами № 44 и № 43. Секретарь председателя Государственной думы В.Н.Садыков был уверен, что в комнате № 43 принимали задержанных офицеров, а в комнате № 44 — нижних чинов. В частности, Садыков вспоминал, как в комнате № 43 Вайнштейн обыскивал двух офицеров.³²⁴ Выявлены некоторые факты, подтверждающие слова Садыкова. Например, утром 28 февраля в этой комнате проходил обыск подполковника Отдельного корпуса жандармов Г.А.Белопольского,³²⁵ а в 4 часа дня — старшего помощника пристава 1-го участка Спасской части капитана А.Ф.Длужневского.³²⁶ Подполковник Белопольский также заметил, что в комнату № 43 отводили офицеров, а в комнате № 44 «обыскивали городских и жандармов».³²⁷ Член НСК студент В.А.Квасков считал, что в комнате № 43 происходили обыски и аресты «старших чинов администрации».³²⁸

Конечно, нельзя абсолютизировать эту подчиненность следователей, работавших в комнатах № 43 и № 44, и распределение функций между «комнатами арестов». Во-первых, никаких постановлений о создании «комнат арестов» ВСК и КО ВК ВКГД принято не было. Низшая следственная комиссия так и не была институализирована за все дни революции и работала явочным порядком. Хотя, по словам членов Комиссии, она была признана различными структурами новой власти — «Воен[ной] комиссией, Общ[ественным] петр[оградским] град[оначальством]».³²⁹ Во-вторых, разделение сфер влияния в полной мере не соблюдалось из-за большого количества арестованных.³³⁰

Вечером 1 марта распределение «комнат арестов» между различными структурами ВКГД закончилось. В этот день они были соединены в одну Комиссию. А.А.Куроптев вспоминал, что 1 марта его и Л.П.Голошапову по распоряжению М.А.Караулова отправили для продолжения работы в арестное помещение, устроенное в Кавалергардском манеже. Не найдя мане-

жа, они вернулись в Таврический дворец, где обнаружили свои столы в комнате № 44 занятыми. От пославшего их дежурного по караулу они узнали, что «образовалась специальная следственная комиссия».³³¹ По утверждению Мещанского, с вечера 1 марта заведовать делами Комиссии стал присяжный поверенный М.Г.Владимиров, который действовал по полномочию члена Государственной думы и председателя Высшей следственной комиссии М.И.Пападжанова.³³² Владимирова, как говорил служащий Канцелярии Государственной думы Л.Д.Никифоров, именовал себя «начальником “Арестного Дома”».³³³ В начале марта М.Г.Владимиров подписывал документы как «заведующий арестованными».³³⁴

На первый взгляд может показаться, что реформирование НСК было проведено в интересах ВСК. Но нельзя забывать о том, что, во-первых, Владимирова до начала своей работы в «Комнате арестов» был сотрудником КО ВК ВКГД, и, во-вторых, в удалении некоторых следователей из комнаты № 44 непосредственно перед реформой, судя по воспоминаниям Куроптева, принимали участие сотрудники КО ВК ВКГД, ссылаясь при этом на распоряжение коменданта Таврического дворца и его районов М.А.Караулова. Можно предположить, что М.Г.Владимиров³³⁵ стал тем лицом, которое сумело получить двойные полномочия — и от КО ВК ВКГД, и от ВСК. «Комнаты арестов» же превратились в Комиссию, которая имела двойную подчиненность: по вопросам содержания арестованных она подчинялась КО ВК ВКГД, а по вопросам дознания — ВСК.

Низшая следственная комиссия начиная с первых часов своего существования действовала в поле думского влияния. КО ВК ВКГД и ВСК не только сыграли значительную роль в формировании состава НСК, но и определили конкретное содержание ее деятельности, о чем будет сказано ниже. Вместе с тем характеризовать ее исключительно как думскую комиссию нельзя. Необходимо учитывать, что одним из учредителей НСК был КО ВК ВКГД, который являлся органом думско-советской Военной комиссии. Кроме того, Петроградский Совет оказал непосредственное (пусть и незначительное) влияние на формирование состава НСК. Иначе говоря, НСК носила характер думско-советской комиссии.

Механизм приема задержанных лиц был сформирован на основе установок, которые дал членам НСК М.А.Караулов. Студент С.В.Портнов, разъясняя другим членам Комиссии, «в какой форме надо вести допрос и что подлежит отобранию», ссылаясь на распоряжение М.А.Караулова, согласно которому «у задержанных лиц конфисковывалось оружие, отбирались деньги, ценности».³³⁶ Студент А.А.Куроптев считал, что именно депутат М.А.Караулов отдал распоряжение членам Комиссии «допрашивать арестованных городских и жандармов, и отбирать деньги <...> находящиеся при них».³³⁷

В Таврическом дворце задержанные сначала попадали в комнаты № 41³³⁸ и № 42,³³⁹ где их записывали в книгу арестованных.³⁴⁰ Здесь же производился первый обыск, обычно в присутствии представителя КО ВК ВКГД. Во время первого обыска изымалось в основном оружие и реж — деньги. После этого задержанные лица сортировались, и часть из них направлялась в комнаты НСК.³⁴¹ В том случае, если при первом обыске (в комна-

тах № 41, № 42) были изъяты деньги или другие материальные ценности, то они передавались лично в руки следователя «Комнаты ареста».³⁴² В комнатах НСК проводился более тщательный обыск, во время которого следователи отбирали у задержанных все личные вещи и деньги. Отмечены случаи, когда задержанные доставлялись сразу же в комнаты НСК, минуя КО ВК ВКГД. Тогда в «комнатах арестов» изымалось и оружие. В частности, С.Кудрявцев изъял во время обыска у одного из арестованных «револьвер системы Маузер».³⁴³

Иногда обыски принимали форму, унижающую человеческое достоинство. 10 мая 1917 г. околочный надзиратель Петроградской столичной полиции И.Н.Цымлов дал показания относительно его обыска, который проходил утром 28 февраля в комнате № 44 Таврического дворца. Он писал: «<...> обыскивал студент или реалист, точно не знаю, с помощью солдат. Обыскивая, раздевали совершенно, снимали даже нижнее белье». Цымлов оставил описание студента: «<...> черноватый, среднего роста, сухенький, без пенсне».³⁴⁴ Помощник коменданта подпрапорщик Н.И.Ходонович рассказывал, что студент, видимо, Коммерческого института, работавший в комнате № 43, «дерзко держался с арестованными и приказывал их раздевать совершенно, что не вызывалось необходимостью». Ходонович донес о таком поведении члена НСК депутату М.С.Аджемову, который «поставил это ему на вид и запретил это делать».³⁴⁵

На изъятые во время обысков вещи и деньги следователи должны были выдавать расписки и передавать изъятое имущество на временное хранение. В комнате № 44 отобранные во время обысков деньги и вещи собирались в основном С.В.Портновым и передавались затем в Казначейство ВКГД³⁴⁶ (казначеем был депутат Думы Н.М.Панкеев). Некоторые члены НСК сами занимались этим вопросом, но при этом они не всегда передавали деньги и вещи Н.М.Панкееву. Так, член Комиссии И.Р.Мещанский 2 марта сдал отобранные у арестованных 610 рублей, пять сберегательных книжек и золотые часы в Казначейство Военной комиссии ВКГД.³⁴⁷

К организации нормальной деятельности в комнате № 43 подключился секретарь председателя Государственной думы В.Н.Садьков. Он, в частности, поручил служащему Канцелярии Государственной думы Л.Д.Никифорову организовать сдачу изъятого в комнате № 43 у арестованных имущества и денег.³⁴⁸ Никифоров показывал, что два или три дня, начиная с 28 февраля, присматривал за отобранными у арестованных ценностями, которые хранились в комнате № 43. Кроме этого, он усилил караул у этой комнаты. В конечном счете, именно Никифоров научил членов НСК, работавших в комнате № 43, сдавать изъятое в Казначейство ВКГД.³⁴⁹ В передаче денег из НСК на хранение в Казначейство ВКГД принимали также участие служащий Канцелярии Государственной думы Ф.Ф.Гесс и курьер Н.Н.Зайнулин-Захаров.³⁵⁰ В самой комнате № 43 собирал деньги и вещи, а затем передавал их в Казначейство ВКГД студент Э.Ю.Падва.³⁵¹

После объединения «комнат арестов» в Следственную комиссию деньги из комнаты № 44 передавались сначала в комнату № 43, а уже оттуда в Казначейство.³⁵² В.А.Квасков вспоминал, что в комнату № 44 заведую-

щим НСК был прислан сотрудник КО ВК ВКГД Н.Г.Катериненко, который действовал по поручению заведующего НСК М.Г.Владимирова.³⁵³ Но и после 1 марта в ряде случаев члены НСК из комнаты № 44 напрямую обращались по этому вопросу к казначею Панкееву.³⁵⁴

Некоторые из членов Комиссии иногда не оформляли расписки и не сдавали деньги, то ли по халатности, то ли по злему умыслу. Именно за недобросовестное отношение к делу 2 марта был арестован комендантом В.Д.Лейман. Член Комиссии Новицкий писал по этому поводу: «Работая по опросу и обыску, означенный Лейман не выдал расписки на отобранные им 70 (семьдесят) рублей». Подозрения в возможном присвоении денег возникли еще и потому, что Лейман внезапно решил покинуть НСК и перейти на работу в ВК ВКГД, чтобы «ехать по городам и развозить литературу». Деньги, правда, потом нашлись. Лейман был освобожден из-под ареста М.В.Родзянко.³⁵⁵ Член НСК Вайнштейн присвоил чей-то револьвер и пытался получить разрешение на его ношение. Служащий канцелярии Государственной думы Никифоров забрал оружие у Вайнштейна и вложил его в изъятые вещи.³⁵⁶ И это были не единичные факты. Всего, по свидетельству Б.Г.Сергиева, проводившего расследование деятельности Комиссии, затерялось около 5000 рублей, часть из которых «явно были присвоены лицами их отбиравшими».³⁵⁷ Позднее ВКГД принял на себя материальную ответственность за «пропавшие» деньги и возместил их пострадавшим за счет собственных средств.³⁵⁸

Задержанные кроме обыска подвергались опросу. При опросе выяснялись обстоятельства задержания (ареста) или явки того или иного лица. Сотрудники НСК также пытались получить информацию о полицейских засадах, складах оружия, пулеметах. 28 февраля 1917 г. городской С.Ф.Гадлевский показал, что «засада была в доме Лапшина» (угол Сампсониевского пр. и Боткинской ул.).³⁵⁹ 1 марта унтер-офицер Петроградского жандармского полицейского управления железных дорог Я.Е.Литвиненко «дал показ[ания] относит[ельно] своих товарищей и места их нахождения». Он заявил, что «приготовл[ение] засад началось еще 14 февраля [1917 г.]».³⁶⁰ Городовой 1-й роты Петроградской столичной полиции Ф.Я.Нежелский сообщил, что 24 февраля полицейская засада была устроена на Казанской ул., д.3. В засаде находились 40 городских во главе с поручиком Москалевым.³⁶¹ Городовой 1-го участка Спасской части Г.П.Гонтаренко при опросе заявил, что «где засады не знает».³⁶² Городовой 2-го участка Александрово-Невской части П.П.Петров также ничего не смог рассказать о засадах, но сообщил, что полицейские скрываются по адресу: ул. Глазовая, д.36, кв.20.³⁶³ И.Т.Лысак во время опроса сообщил адрес Охранной команды (ул. Гороховая, д.14).³⁶⁴ Жандармский унтер-офицер М.В.Зубкевич показал, что «на Крюковом канале 31 находится Жандарм[ский] отдел и там много оружия».³⁶⁵ Городовой 8-й роты Петроградской столичной полиции И.М.Бабюк сообщил члену НСК Шапиро, что на Галерной ул., д.10 находится оружие и продовольствие.³⁶⁶ 2 марта полицейский надзиратель Гаванского участка Васильевской части И.Е.Чечет при опросе заявил члену НСК Новицкому следующее: «По слухам в резервной роте имеется пулемет. Но не видел».³⁶⁷

Кроме этого, члены НСК при опросах собирали информацию о начальствующих лицах. Городовой Гонтаренко сообщил в Комиссии адрес пристава Спасской части полковника В.Д.Владимирова,³⁶⁸ городской И.В.Рыжиков — пристав Коломенской части Б.Ф.Врановского,³⁶⁹ а городской 1-го участка Литейной части И.З.Керченсков — пристав Г.А.Шебеко.³⁷⁰ Околочный надзиратель 1-го участка Василеостровской части С.Б.Борисов при опросе членом НСК И.Я.Книговым показал «на нехорошее поведение пристава [М.С.] Скуратова» и сообщил его адрес.³⁷¹ Надзиратель 1-го участка Петроградской части Т.Т.Коваленко 28 февраля при опросе заявил И.Р.Мещанскому, что пристав полковник А.Е.Крылов «придирался к младшим чинам», и назвал его домашний адрес.³⁷² Адрес Крылова также указал при опросе и городской 1-го участка А.Ф.Кокарев.³⁷³ Членам Следственной комиссии удалось собрать сведения о жандармских офицерах, которые заведовали филерами в Петрограде и Царском селе.³⁷⁴ Собранная информация, видимо, передавалась в Военную комиссию ВКГД, которая принимала меры оперативного реагирования.³⁷⁵

В результате дознания члены НСК могли прийти к выводу о необходимости освобождения того или иного задержанного. В делах Следственной комиссии обнаружены документы, говорящие о том, что они этим правом пользовались. Так, 1 марта, после обыска и опроса был освобожден артельщик А.И.Емельянов.³⁷⁶ В этот же день Л.П.Голощапова отпустила добровольно явившегося в Государственную думу городского К.В.Неустроева, служившего ранее в наружной охране Таврического дворца.³⁷⁷ Она же освободила курсистку-медичку М.Л.Картавцеву, арестованную около Таврического дворца милиционерами Д.М.Каштаном и Н.Игнатовичем. Милиционеры показали, что Картавцева вела монархическую пропаганду — призывала окружающих петь «Боже, царя храни», говорила, что «если бы приехал хоть один генерал с двумя полками, то он мог бы изменить и все восстановить по старому». Во время дознания Картавцева «свободно высказывалась». Голощапова вынесла резолюцию: «Так как у нас существует свобода слова — мы освобождаем».³⁷⁸ 6 марта Л.П.Голощапова и М.Г.Владимиров освободили городского М.И.Михайлова.³⁷⁹

Правом освобождения задержанных и состоявших за НСК лиц пользовались также члены ВКГД. Комендант Таврического дворца М.А.Караулов, например, выдал И.Я.Борзыкину удостоверение на клочке бумаги следующего содержания: «Бывшему городскому Борзыкину, явившемуся с повинной, Временное Правительство разрешает служить народу, как честному гражданину подобает явиться [к] начальнику штаба Района».³⁸⁰ По приказу М.В.Родзянко был освобожден помощник смотрителя Петровской части И.И.Барсуков.³⁸¹ Пытались повлиять на судьбу задержанных и рядовые депутаты Государственной думы.³⁸²

В случае если члены НСК не принимали решения об освобождении доставленных в «комнаты арестов», их отводили на хоры зала заседания Государственной думы, которые стали для них «арестным помещением».³⁸³ Заведовал арестованными на хорах младший унтер-офицер А.Этмайер, караульную службу здесь же нес старший унтер-офицер В.О.Козловский.³⁸⁴

Таврический дворец не мог вместить всех задержанных, поэтому для их содержания использовались и другие арестные помещения. В 8 часов вечера 28 февраля городской 1-го участка Спасской части П.И.Бойко был под конвоем доставлен из Государственной думы в арестное помещение, устроенное в д.48 по Шпалерной ул.³⁸⁵ Надзиратель Петроградской сыскной полиции А.А.Бондаренко 1 марта, после обыска и опроса в НСК, был отправлен в манеж Кавалерийской школы (ул. Шпалерная, д.53).³⁸⁶ Городовой 1-го участка Адмиралтейской части Ф.М.Морчак, арестованный 28 февраля, содержался в Таврическом дворце только 3 дня, а затем был переведен в Выборгскую одиночную военную тюрьму.³⁸⁷

Точное количество лиц, задержанных и доставленных в Таврический дворец, а затем прошедших через Низшую следственную комиссию в дни Февральской революции, не установлено. Но некоторые данные все-таки обнаружены. К вечеру 28 февраля были «взяты под стражу» около 200 полицейских и городских.³⁸⁸ По мере развития революции число задержанных и доставленных в Таврический дворец полицейских должно было возрастать.

О количестве полицейских, состоявших за НСК в дни Февраля 1917 г., можно получить представление и по данным об отправке содержавшихся в Таврическом дворце в другие арестные помещения. Так, 3 марта было отправлено 100 человек для содержания под арестом в гостинице (Толмазов пер. д.3),³⁸⁹ 5 марта в Военную тюрьму (Нижегородская, д.39) было отправлено 150 полицейских и жандармских чинов,³⁹⁰ 9 марта во Временный арестный дом (Камменноостровский пр., д.33) — 68 арестованных городских, стражников и т.д.,³⁹¹ 14 марта в Коломенскую часть «для содержания под стражей» — 80 городских и стражников,³⁹² а 17 марта в «Кресты» — «285 человек охранников, стражников, полицейских, околочных и т.п.».³⁹³

Конечно, и эти цифры ни в коем случае не дают полного представления о количестве задержанных, прошедших через руки следователей Низшей следственной комиссии. Думается, что в дни Февральской революции в Таврическом дворце за НСК состояло несколько сотен человек. Тюремное управление указывало, что на 13 марта в Петрограде «число находящихся <...> под стражей превышает 3200 человек».³⁹⁴ Сюда входили лица, содержавшиеся в Таврическом дворце, тюрьмах, арестных домах, казармах, манежах и т.д.

Таким образом, начиная с 27 февраля 1917 г. члены ВКГД отдавали приказы об арестах сторонников старого строя. Более того, сразу после возвращения думской делегации из Мариинского дворца вечером 27 февраля, т.е. еще до принятия решения о взятии власти в свои руки, Временный комитет Думы, в лице его видных членов (Родзянко, Некрасова и Керенского), предпринял шаги к свержению царского правительства. Это, несомненно, выступает дополнительным подтверждением характеристики Государственной думы как центра революции и штаба восстания. Приняв затем решение о взятии власти в свои руки, ВКГД отдал приказ об аресте царских министров.

Приказы об арестах отдавала в это же время Военная комиссия ВКГД. Т.е. утверждение Родзянко о непричастности Комитета к арестам сторонников царского строя, происходившим до 1 марта, является мифом. Возникновение его связано с желанием руководства Временного комитета Думы не брать на себя ответственность за кровавые результаты революционного насилия 27 и 28 февраля 1917 г.

Значение деятельности думских структур в проведении политики арестов нельзя оценивать однозначно. Положительным практическим результатом работы Министерского павильона и Следственных комиссий стало их участие в разгроме полицейских центров царизма в Петрограде. Современник записал 2 марта в дневнике: «С утра спокойно, выстрелов нет. Оказывается, открыли всю полицейскую организацию. Забрали оружие и патроны. Полиция стала сдаваться на милость».³⁹⁵

Журналисты, обслуживавшие интересы вождей революции и в первую очередь А.Ф.Керенского, постарались представить аресты, провоцируемые, направляемые и проводимые думскими деятелями и структурами, как высокоморальное действие — спасение сторонников царского режима от расправ со стороны восставших. В прессе упорно проводилась мысль о том, что Керенский объявил в момент ареста И.Г.Щегловитова Таврический дворец местом, где «ни над кем не должно быть совершено насилие».³⁹⁶ Даже В.В.Шульгин был очарован фразой Керенского, сказанной им тогда: «Дума не проливает крови». Шульгин писал позднее: «Сколько это спасло жизнь».³⁹⁷ Однако насилиями и кровавыми расправами сопровождалась поимка сторонников старого строя, призыв к аресту которых исходил из Государственной думы.

Чрезвычайные органы внесудебной расправы, явочным порядком насаждаемые Керенским и другими думскими деятелями, покрываемые, к стати, авторитетом ВКГД, творили произвол, опрашивая и обыскивая без всяких веских правовых оснований сотни и сотни граждан. Издевательствам над правом было содержание в Таврическом дворце и других арестных центрах чиновников всех уровней, полицейских, офицерских чинов и т.д. Все эти действия можно было бы действительно считать произволом и издевательствами, но только в том случае, если признать Государственную думу институтом царского строя. Но в дни революции суть Думы изменилась. В частности, она стала центром новой «революционной юстиции», важным организующим элементом которой стало «творчество масс» по проведению насилия в интересах победы революции.

Деятельность руководства и сотрудников Министерского павильона, а также Следственных комиссий явилась фактом согласования вопроса об арестах сторонников старого режима между ВКГД и Петросоветом. Результатом согласования стало очередное распределение сфер влияния. Непосредственная выработка политики в этом вопросе и проведение конкретных мероприятий — все это находилось в руках ВКГД и его структур. Петросовет, в свою очередь, контролировал все аресты через А.Ф.Керенского, комиссаров и представителей Совета в следственных комиссиях, а также через советско-думские структуры. По крайней мере, можно утверждать, что в Министерском павильоне советский контроль осуществляли

4 человека (комиссар и 3 других представителя), а в Низшей следственной комиссии представителями Совета являлся В.Д.Лейман и, возможно, С.Д.Гинзбург. Частичный контроль над арестами Совет проводил также через ВК ВКГД, которая была советско-думской комиссией. Кроме этого, советские деятели и Петросовет самостоятельно проводили аресты различных лиц.

ВКГД, насаждая практику арестов, подавал пример всей России, как надо поступать с представителями старого строя. Несомненно, что деятельность Временного комитета Думы, его Военной комиссии, Министерского павильона и следственных комиссий сыграла важную роль в развитии революционного насилия в Москве и провинции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сообщение комитета Гос[ударственной] Думы об арестах // «Известия» КПЖ. 1917. 1 марта. № 3 (Типография не указана).

² С.М.Ляндрес первым ввел в оборот точное время прихода Чиколини в Полуциркульный зал: в «<...> середине совещания сразу же после появления на нем А.Ф.Керенского» (См.: *Ляндрес С.М.* Протокольная запись «частного совещания» членов Государственной думы 27 февраля 1917 г. как источник по изучению парламентаризма в России // *История парламентаризма в России: (к 90-летию I Государственной думы): Сб. науч. ст.* СПб., 1996. Ч. II. С.108. См. также: *Lyandres S.M.* Zur Errichtung der revolutionären Macht in Petrograd: Neue Dokumente über die inoffizielle Beratung von Mitgliedern der Staatsduma am 27.2.1917 // *Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte.* (Berlin). 1997. № 4. S.315,319).

³ Февральская революция 1917 года: Сб. док. и материалов. М., 1996. С.112.

⁴ *Милоков П.Н.* Первый день // *Последние новости.* 1927. 12 марта; *Шульгин В.В.* Дни. 1920: Записки. М., 1989. С.179.

⁵ Как произошел переворот: (Сообщение депутата А.И.Рыслева) // *Амурское эхо.* 1917. 18 апреля.

⁶ Заметим, что в дальнейшем Чиколини стал видным членом Военной комиссии ВКГД.

⁷ Как произошел переворот: (Сообщение депутата А.И.Рыслева) // *Амурское эхо.* 1917. 21 апреля.

⁸ *Родзянко М.В.* Государственная Дума и февральская 1917 года революция // *Архив русской революции.* М., 1991. Т.6. С.67.

⁹ *Шульгин В.В.* Указ. соч. С.186.

¹⁰ *Павлов П. А. Ф.* Керенский / Состав нового правительства // *Тульская молва.* 1917. 7 марта.

¹¹ *Иванчиков.* Министр Керенский // *Нижегородский листок.* 1917. 29 апреля.

¹² *Добрый гений великой русской революции* // *Петроградская газета.* 1917. 19 марта (илл. приложение №20).

¹³ *Ичас М.М.* 27 и 28 февраля 1917 года: (Мои воспоминания) // *Последние новости.* 1927. 12 марта.

¹⁴ *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С.138.

¹⁵ Во время ареста в его квартире находился депутат Государственной думы В.А.Ханенко (центр) (Арест И.Г.Щегловитова / *Ход революции в Петрограде* // *Биржевые ведомости.* 1917. 5 марта (утр. вып.)).

¹⁶ *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С.116.

¹⁷ Где скрывался Протопопов? // *Биржевые ведомости.* 1917. 7 марта (утр. вып.).

¹⁸ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.24. Л.22; Д.28. Л.39.

¹⁹ *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории Февральской революции в Бахметьевском архиве Колумбийского университета // *Отечественная история.* 1992. № 5. С.159.

²⁰ *Керенский А. Ф.* Указ. соч. С.138.

²¹ Там же.

²² *Марк С. С. А. Ф. Керенский: (Штрихи для характеристики)* // *Русская воля.* 1917. 15 апреля (веч. вып.).

²³ *Тыркова А.В.* Петроградский дневник // *Звенья.* М.; СПб., 1992. Вып.2. С.327.

²⁴ «Штаб Керенского» — это будущая Военная комиссия Временного комитета Государственной думы (См. подробнее: *Николаев А.Б.* Военная комиссия Временного комитета Государственной думы в дни Февральской революции: Персональный состав // *Из глубины времен.* 1998. Вып.10. С.27-103).

²⁵ Февральская революция 1917 года. С.115-116.

²⁶ *Керенский А. Ф.* Указ. соч. С.140.

- ²⁷ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С.203.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Лопухин В.Б. Люди и политика (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы истории. 1966. № 11. С.119.
- ³⁰ Член Государственного Совета, кн[язь] Е.Н.Трубецкой в Калуге // Голос Калуги. 1917. 18 марта.
- ³¹ Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919; Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С.230.
- ³² Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции; Спроге В.Э. Записки инженера. М., 1999. С.94.
- ³³ В министерстве путей сообщения / Хроника // Врачебная газета. 1917. 19 марта. № 11. С.181.
- ³⁴ Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной Думе // Страна гибнет сегодня: Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991. С.110-111.
- ³⁵ РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.3. Л.58.
- ³⁶ Кригер-Войновский Э.Б. Указ. соч. С.95.
- ³⁷ Там же. С.94.
- ³⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп.10. Д.3. Л.5.
- ³⁹ Там же. Д.9. Л.2.
- ⁴⁰ Конвой его Величества в Гос[ударственной] Думе // «Известия» КПЖ. 1917. 1 марта. № 3 (Типография не указана); Конвойцы в Государственной Думе // «Известия» КПЖ. 1917. 1 марта. № 4 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).
- ⁴¹ Ф.Д. Февральская революция в Петрограде (28 февраля – 1 марта 1917 г.) // Красный архив. 1930. Т.4-5 (41-42). С.100.
- ⁴² Там же. С.81; РГИА.Ф.1278. Оп.10. Д.55. Л.26.
- ⁴³ ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.280. Л.2. «Комиссия Батюшина» занималась расследованием злоупотреблений тыла. Председателем Комиссии был генерал-майор Генерального штаба Николай Степанович Батюшин (1874-1957).
- ⁴⁴ РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.55. Л.6.
- ⁴⁵ Там же. Л.7.
- ⁴⁶ Там же. Л.8.
- ⁴⁷ Там же. Л.9.
- ⁴⁸ Там же. Ф.1279. Оп.1. Д.9. Л.54.
- ⁴⁹ Озерковский военный комитет 28 февраля 1917 г. проводил запись (регистрацию) полицейских, после чего их отпускали по домам (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.12. Л.38).
- ⁵⁰ Архипов И.Л. Российская политическая элита в феврале 1917: психология надежды и отчаяния. СПб., 2000. С.119.
- ⁵¹ Иоффе А.Е. Морской гарнизон Петрограда в Февральской революции // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Л., 1989. С.148-149.
- ⁵² Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента министерства иностранных дел // ОР РНБ. Ф.1000. Оп.2. Д.765. Л.376-377.
- ⁵³ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.8. Л.7,9.
- ⁵⁴ Февральская революция 1917 года. С.124.
- ⁵⁵ Беннигсен Э.П. Первые дни революции 1917 года // Возрождение. 1954. Тетр.33. С.122.
- ⁵⁶ РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.25. Л.9.
- ⁵⁷ Там же. Ф.1279. Оп.1. Д.13. Л.36.
- ⁵⁸ Петрова Л. Дневник. 1916-1917 гг. // ОР РНБ. Ф. 406. Оп.1. Д. 321. Л.80, 82 об.
- ⁵⁹ РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.18. Л.486.
- ⁶⁰ Там же. Д.17. Л.580-582.
- ⁶¹ Там же. Ф.1279. Оп.1. Д.12. Л.28.
- ⁶² Там же. Д.4. Л.3.
- ⁶³ Там же. Д.10. Л.31.
- ⁶⁴ Там же. Д.13. Л.10.
- ⁶⁵ Там же. Д.11. Л.12.
- ⁶⁶ Там же. Д.10. Л.6.
- ⁶⁷ Там же. Д.8. Л.17, Д.16. Л.105, Д.18. Л.16; Д.28. Л.22.
- ⁶⁸ Там же. Д.6. Л.6,34,56; Д.9. Л.29,33 и др.
- ⁶⁹ Там же. Д.9. Л.31 и др.
- ⁷⁰ Фомин Б.В. Первые месяцы после Февральской революции в Запасном батальоне лейб-гвардии Измайловского полка // 1917 год в судьбах России и мира: Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.300-301.
- ⁷¹ Цит. по: Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С.290.
- ⁷² Синакевич О.В. «Жили-Были». Тетрадь 32-я. «Зрелые годы» (1915-1918 гг.) // ОР РНБ. Ф.163. Д.347. Л.54.

- ⁷³ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.28. Л.19.
- ⁷⁴ Там же. Д.6. Л.14,59; Д.9. Л.30; Д.10. Л.9; и др.
- ⁷⁵ Но скорее всего, никакого приказа не было. Исследователь пишет: «Молва, что всех “прислужников старого режима” собирают в Думе была чрезвычайно распространена» (Архипов И.Л. Указ. соч. С.119). Таким образом, и явка в Таврический дворец городских могла быть ответом на эти слухи.
- ⁷⁶ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.8. Л.42.
- ⁷⁷ Там же. Д.21. Л.180.
- ⁷⁸ Там же. Д.31. Л.13.
- ⁷⁹ Там же. Д.36. Л.15. А.Н.Глебова сопровождала городского О.Переломца в Таврический дворец для того, чтобы не допустить расправы над ним.
- ⁸⁰ Г.П. (полк. Г.Г.Перети). В цитадели русской революции: Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля – 23 марта 1917 г. СПб., 1997. С.37; Как был доставлен министр юстиции Добровольский // «Известия» КПЖ. 1917. 1 марта. № 3 (Типография не указана).
- ⁸¹ Арест Протопопова // «Известия» КПЖ. 1917. 1 марта. № 3 (Типография не указана); Г.П. (полк. Г.Г.Перети). Указ. соч. С.37,39.
- ⁸² Архипов И.Л. Указ. соч. С.119.
- ⁸³ Энгельгардт Б.А. Воспоминания о далеком прошлом // ОР РНБ. Ф.1052. Д.32. Л.8.
- ⁸⁴ Фомин Б.В. Указ. соч. С.300.
- ⁸⁵ Российский государственный архив военно-морского флота. Ф.418. Оп.2. Д.153. Л.123. Эти сведения нам любезно предоставил Д.А.Бажанов.
- ⁸⁶ Сообщения комитета Государственной Думы об арестах // «Известия» КПЖ. 1917. 1 марта. № 3 (Типография не указана).
- ⁸⁷ Приказ по городу Петрограду // «Известия» КПЖ. 1917. 1 марта. № 4 (веч. вып.) (Типография не указана).
- ⁸⁸ Куда доставляют полицейских // Там же.
- ⁸⁹ Дополнение к приказу № 1 по городу Петрограду // «Известия» КПЖ. 1917. 2 марта. № 5 (Типография не указана).
- ⁹⁰ Фомин Б.В. Указ. соч. С.303,304-305.
- ⁹¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. Л., 1991. Т.1. С.94.
- ⁹² Керенский А.Ф., Караулов М.А. Приказ по военным училищам // «Известия» КПЖ. 1917. 2 марта. № 5 (Типография не указана).
- ⁹³ Петрова Л. Дневник. 1916-1917 гг. // ОР РНБ. Ф. 406. Оп.1. Д. 321. Л.85.
- ⁹⁴ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. № 178. С.95,96.
- ⁹⁵ Половцов П.А. Дни затмения: (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А.Половцова в 1917 году). М., 1999. С.30-31
- ⁹⁶ РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.9. Л.18.
- ⁹⁷ Станюкович М.К. Дневники. 1916 -1918 гг. // ОР РНБ. Ф.736. Д.146. Л.13 об.
- ⁹⁸ [Неустановленное лицо]. Дневник с 26 февраля по 2 сентября 1917 г. с записями о революционных событиях в Петрограде // ОР РНБ. Ф.443. Д.887. Л.3.
- ⁹⁹ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.10. Л.37.
- ¹⁰⁰ Там же. Д.12. Л.32.
- ¹⁰¹ Там же. Д.3. Л.141,148; Д.19. Л.80.
- ¹⁰² Там же. Ф.1278. Оп.10. Д.17. Л.558-559.
- ¹⁰³ Там же. Ф.1279. Оп.1. Д.28. Л.24.
- ¹⁰⁴ Там же. Д.4. Л.2.
- ¹⁰⁵ Там же. Д.8. Л.14.
- ¹⁰⁶ Там же. Д.27. Л.18.
- ¹⁰⁷ Мушкетов Д.И. Личный зимний дневник (январь 1912 г. – март 1924 г.) // ОР РНБ. Ф.503. Д.311. Л.36.
- ¹⁰⁸ Беннигсен Э.П. Указ. соч. С.126.
- ¹⁰⁹ РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.17. Л.146.
- ¹¹⁰ Там же. Ф.1278. Оп.10. Д.17. Л.198.
- ¹¹¹ Фомин Б.В. Указ. соч. С.303.
- ¹¹² РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.17. Л.582.
- ¹¹³ Петрова Л. Дневник. 1916-1917 гг. // ОР РНБ. Ф. 406. Оп.1. Д. 321. Л.80,82 об.
- ¹¹⁴ Подтверждением этому могут служить воспоминания начальника Учебной команды Запасного батальона л.-гв. Финляндского полка Д.И.Ходнева. Он писал: «Говорили, что задержали какого-то генерала (называли генерал-адъютанта Баранова), стрелявшего якобы по войскам из окон своего дома. Генерала будто бы убили на месте» (Ходнев Д.И. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 год в судьбах России и мира. С.276).
- ¹¹⁵ Зиновьев Л.А. Воспоминания. [Машинопись] Гилфорд (Англия), 1942 // Личный архив С.К.Зиновьева-Фитшлайна. Д. 6/н. Л.70.
- ¹¹⁶ Оставшиеся // «Известия» КПЖ. 1917. 2 марта. № 6 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).
- ¹¹⁷ Г.П. (полк. Г.Г.Перети). Указ. соч. С.61.

- ¹¹⁸ *Мушкетов Д.И.* Личный зимний дневник (январь 1912 г. – март 1924 г.) // ОР РНБ. Ф.503. Д.311. Л.31 об.
- ¹¹⁹ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.4. Л.97; Д.6 Л.10; Д.16. Л.2; Д.34. Л.123;
- ¹²⁰ Число жертв / Похороны жертв революции // Русское слово. 1917. 24 марта.
- ¹²¹ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.4. Л.97.
- ¹²² 1 марта внес свою лепту в организацию революционного насилия и Петроградский Совет рабочих депутатов. В этот день «Известия» Петросовета опубликовали серию статей, в которых давались рекомендации по борьбе с контрреволюционерами. В частности, жильцам домов предлагалось вооружиться и произвести «очистку» своих домов от полицейских, которые расстреливали «наших товарищей» с крыш и чердаков (Очистка домов // Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 1 марта). «Известия» также писали: «Можно и нужно принять меры к задержанию лишь тех, кто организует контрреволюцию. Их, по распоряжению новой власти, необходимо задерживать и доставлять по назначению, никакие самосуды недопустимы» (Сыск по дворам // Там же). В другой статье говорилось о том, что «непосредственных преступников, участников расстрела наших братьев, если они сопротивляются, надо уничтожать». Но нельзя «быть жестокими с теми, кто сдается на милость революционного народа» (Не надо жестокости // Там же). 2 марта «Известия» Петросовета призвали полицейских сдаться, подчеркивая, что в противном случае их ждет «верная гибель». Интересен тот факт, что в этом обращении указывались те же адреса арестных помещений, что и в приказе № 1 по г. Петрограду, изданном за подписью М.А. Караулова (К полиции // Там же. 2 марта). Заметим, что «Известия» призывали к активным действиям «жильцов домов» и вообще «народ», а не милицию или воинские патрули. Тем самым, Петроградский Совет, на наш взгляд, способствовал расширению революционного насилия.
- ¹²³ В Царицыне // «Известия» КПЖ. 1917. 2-3 марта. № 6-7 (Типография газеты «Русская воля»...).
- ¹²⁴ Вместе с тем подчеркнем, что в ряде мест полиция и жандармерия продолжали существовать и избежали разгрома. Например, 11 марта 1917 г. депутат Государственной думы II и III созывов Х.Хасмамедов сообщил в Петроград из Елисаветполя, что «полиция находится в ведении городской управы» (ОР РНБ. Ф.152. Оп.4. Д.168. Л.22).
- ¹²⁵ ОР РНБ. Ф.152. Оп.4. Д.168. Л.42.
- ¹²⁶ РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.3. Л.2.
- ¹²⁷ Там же. Л.3.
- ¹²⁸ Там же. Л.32.
- ¹²⁹ ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.177. Л.1.
- ¹³⁰ *Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С.514.
- ¹³¹ *Марк С.С.* Керенский: (штрихи для характеристики) // Русская воля. 1917. 15 апреля (веч. вып.).
- ¹³² Февральская революция 1917 года. С.122.
- ¹³³ *Зиновьев Л.А.* Воспоминания. [Рукопись] Гилфорд (Англия), 1942 // Личный архив С.К. Зиновьева-Фитцлайн. Д. 6/н. Л.502
- ¹³⁴ РГИА. Ф.1405. Оп.532. Д.1511. Л.2.
- ¹³⁵ *Милоков П.Н.* Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т.2. С.254.
- ¹³⁶ *Ичас М.М.* 27 и 28 февраля 1917 года: (Мои воспоминания) // Последние новости. 1927. 12 марта.
- ¹³⁷ *Мансырев С.П.* Указ. соч. С.108.
- ¹³⁸ Февральская революция 1917 года. С.182
- ¹³⁹ *Беннигсен Э.П.* Указ. соч. С.124.
- ¹⁴⁰ *Николаев А.Б.* Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль-март 1917 г.): Персональный состав // Из глубины времен. 1995. Вып.5. С.65.
- ¹⁴¹ *Кригер-Войновский Э.Б.* Указ. соч. С.94; *Курлов П.Г.* Гибель Императорской России. М., 1991. С.249.
- ¹⁴² Февральская революция 1917 года. С.182.
- ¹⁴³ РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1252. Л.22.
- ¹⁴⁴ *Мансырев С.П.* Указ. соч. С.109.
- ¹⁴⁵ РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.9. Л.51.
- ¹⁴⁶ Там же. Ф.1405. Оп.532. Д.1151. Л.2.
- ¹⁴⁷ Там же. Ф.1278. Оп.10. Д.20. Л.9; Д.57. Л.101.
- ¹⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.280. Л.4.
- ¹⁴⁹ РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.9. Л.51-53.
- ¹⁵⁰ *Г.П. (полк. Г.Г.Перети).* Указ. соч. С.77.
- ¹⁵¹ ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.118. Л.1.
- ¹⁵² *Г.П. (полк. Г.Г.Перети).* Указ. соч. С.78.
- ¹⁵³ ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.118. Л.1.
- ¹⁵⁴ РГИА. Ф.1349. Оп.1. Д.1519. Л.99 об.
- ¹⁵⁵ Февральская революция 1917 года. С.182-183.
- ¹⁵⁶ ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.280. Л.4.

- ¹⁵⁷ Отголосок революционных дней: Деятельность следственной комиссии // Вечернее время. 1917. 11 апреля.
- ¹⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.368. Л.1,2-2 об.,4,5,6,8. Рабочие-путиловцы расправились с Иваном Михайловичем Фортунато уже после Октябрьской революции. Ф.Лемешев писал: «<...> в 1918 г. в августе, по настоянию путиловских рабочих он был расстрелян самими же рабочими Путиловского завода» (*Лемешев Ф.* На Путиловском заводе в годы войны // Красная летопись. 1927. № 2 (23) С.25).
- ¹⁵⁹ Февральская революция 1917 года. С.183.
- ¹⁶⁰ *Беннигсен Э.П.* Указ. соч. С.125.
- ¹⁶¹ Февральская революция 1917 года. С.183.
- ¹⁶² *Беннигсен Э.П.* Указ. соч. С.124.
- ¹⁶³ *Г.П. (полк. Г.Г.Перети).* Указ. соч. С.77.
- ¹⁶⁴ Арестованные / Телеграммы // Крымский вестник. 1917. 24 марта.
- ¹⁶⁵ *Г.П. (полк. Г.Г.Перети).* Указ. соч. С.27; Арест председателя [Государственного] Совета // «Известия» КПЖ. 1917. 27 февраля. Б/н (Типография не указана).
- ¹⁶⁶ Как произошел переворот: (Сообщение депутата А.И.Рыслева) // Амурское эхо. 1917. 21 апреля.
- ¹⁶⁷ *Мансырев С.П.* Указ. соч. С.108-109.
- ¹⁶⁸ Арест состава жандармского управления / Как была завоевана свобода народа // Петроградская газета. 1917. 5 марта.
- ¹⁶⁹ Арест начальника жандармского управления // Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 28 февраля. Прибавление к № 1.
- ¹⁷⁰ *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С.264.
- ¹⁷¹ *Лессен А.И.* Суд над министрами // Биржевые ведомости. 1917. 7 марта (веч. вып.).
- ¹⁷² *Барк П.Л.* Указ. соч. С.99.
- ¹⁷³ Отдавая приказы об арестах, член ВКГД Б.А.Энгельгардт выступал в качестве председателя Военной комиссии ВКГД.
- ¹⁷⁴ ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.280. Л.4.
- ¹⁷⁵ *Иванов-Разумник Р.В.* Писательские судьбы. Тюремь и ссылки. М., 2000. С.421.
- ¹⁷⁶ *Беннигсен Э.П.* Указ. соч. С.124
- ¹⁷⁷ Февральская революция 1917 года. С.183.
- ¹⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф.487. Оп.1. Д.2670. Л.9,13.
- ¹⁷⁹ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.25. Л.16.
- ¹⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф.487. Оп.1. Д.2670. Л.4.
- ¹⁸¹ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.25. Л.16.
- ¹⁸² ЦГИА СПб. Ф.487. Оп.1. Д.2670. Л.13 об.
- ¹⁸³ Там же. Л.13.
- ¹⁸⁴ Там же. Л.1,9,13.
- ¹⁸⁵ Там же. Л.2,3.
- ¹⁸⁶ *Николаев А.Б.* Военная комиссия Временного комитета Государственной думы в дни Февральской революции. С.84.
- ¹⁸⁷ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.25. Л.16.
- ¹⁸⁸ ЦГИА СПб. Ф.487. Оп.1. Д.2670. Л.9,13,13 об. Оверк был освобожден только 28 августа 1917 г. и «передан в распоряжение Петроградского Уездного воинского начальника, как выразивший готовность послужить своей Родине на поле брани в рядах защитников Отечества» (Там же. Л.19).
- ¹⁸⁹ Там же. Л.4.
- ¹⁹⁰ *Мищурич Г.М.* Горячие дни актерской жизни. Л., 1972. С.13.
- ¹⁹¹ ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.280. Л.4.
- ¹⁹² *Г.П. (полк. Г.Г.Перети).* Указ. соч. С.39, 76.
- ¹⁹³ Там же. С.24,27,38,39,76.
- ¹⁹⁴ *Барк П.Л.* Указ. соч. С.100-101,103.
- ¹⁹⁵ Февральская революция 1917 года. С.122.
- ¹⁹⁶ *П.Г.* Впечатления очевидца: Сообщение члена Государственной думы А.М.Александрова // Крымский вестник. 1917. 15 марта.
- ¹⁹⁷ ЦГИА СПб. Ф.1695. Оп.2. Д.280. Л.3.
- ¹⁹⁸ *Барк П.Л.* Указ. соч. С.98.
- ¹⁹⁹ Февральская революция 1917 года. С.122.
- ²⁰⁰ ЦГИА СПб. Ф.487. Оп.1. Д.2670. Л.2.
- ²⁰¹ *Барк П.Л.* Указ. соч. С.98; *П.Г.* Впечатления очевидца: Сообщение члена Государственной думы А.М.Александрова // Крымский вестник. 1917. 15 марта.
- ²⁰² *Курлов П.Г.* Указ. соч. С.247.
- ²⁰³ *П.Г.* Впечатления очевидца: Сообщение члена Государственной думы А.М.Александрова // Крымский вестник. 1917. 15 марта.
- ²⁰⁴ *Беннигсен Э.П.* Указ. соч. С.124.

- ²⁰⁵ *Чарнолуцкий В.И.* Десять лет назад: Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.
- ²⁰⁶ *Г.П. (полк. Г.Г.Перетц).* Указ. соч. С.74.
- ²⁰⁷ Арест Протопопова // «Известия» КПЖ. 1917. 1 марта. № 3 (Типография не указана); *Г.П. (полк. Г.Г.Перетц).* Указ. соч. С.37,39.
- ²⁰⁸ *Казанович Е.П.* Записки. Тетрадь III. Дневник. 15 ноября 1913 — 19 июня 1917 г. // ОР РНБ. Ф.326. Д.19. Л.169 об.
- ²⁰⁹ *Г.П. (полк. Г.Г.Перетц).* Указ. соч. С.27,37,38,39,46,61,62,63,64,74. Отметим, что Перетц привел непроверенные сведения журналиста Е.Лаганского о том, что князь Голицын 2 марта уже находился в Министерском павильоне (Там же. С.64). Председатель Совета министров кн. Н.Д.Голицын был арестован только 4 марта 1917 г. Поэтому при подсчете мы его не учитывали.
- ²¹⁰ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.5. Л.29.
- ²¹¹ Там же. Д.34. Л.159.
- ²¹² Там же. Д.19. Л.70.
- ²¹³ Там же. Д.22. Л.32; Д.25. Л.5.
- ²¹⁴ Там же. Д.16. Л.32.
- ²¹⁵ Там же. Д.4. Л.165.
- ²¹⁶ Там же. Д.6. Л.77; Д.33. Л.38.
- ²¹⁷ Там же. Д.14. Л.101.
- ²¹⁸ Там же. Д.33. Л.41.
- ²¹⁹ Там же. Д.16. Л.1 об.
- ²²⁰ Там же. Д.1. Л.5.
- ²²¹ *Гессен А.И.* Суд над министрами // Биржевые ведомости. 1917. 7 марта (веч. вып.).
- ²²² Февральская революция 1917 года. С.182.
- ²²³ РГИА. Ф.1405. Оп.532. Д.1511. Л.2 об.
- ²²⁴ Февральская революция 1917 года. С.182.
- ²²⁵ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.36. Л.10.
- ²²⁶ *Мансырев С.П.* Указ. соч. С.108; РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1252. Л.22; Февральская революция 1917 года. С.122,182.
- ²²⁷ *Николаев А.Б.* Военная комиссия Временного комитета Государственной думы в дни Февральской революции. С.46.
- ²²⁸ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.36. Л.10.
- ²²⁹ Там же. Д.36. Л.10.
- ²³⁰ Там же. Ф.1278. Оп.10. Д.55. Л.20.
- ²³¹ Там же. Ф.1279. Оп.1. Д.1. Л.8.
- ²³² Там же. Д.4. Л.167.
- ²³³ Э.Ю.Падва жил в Москве (ул. Большая Пресня, д.6, кв.3). Утром 18 февраля 1917 г. приехал в Петроград и остановился у родственников (ул. Коломенская, д.9, кв.4) (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.3. Л.195; Д.19. Л.142,144).
- ²³⁴ Список датирован 11 марта 1917 г. (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.4. Л.1).
- ²³⁵ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.10. Л.39,41.
- ²³⁶ Там же. Д.19. Л.142.
- ²³⁷ Там же. Д.13. Л.12.
- ²³⁸ Там же. Д.21. Л.183 об.
- ²³⁹ Там же. Д.10. Л.39.
- ²⁴⁰ Там же. Д.19. Л.142.
- ²⁴¹ Там же. Д.4. Л.165,167.
- ²⁴² Там же. Л.165.
- ²⁴³ Там же.
- ²⁴⁴ Там же. Д.19. Л.101-101 об.
- ²⁴⁵ Там же. Д.26. Л.16.
- ²⁴⁶ Там же. Д.14. Л.183.
- ²⁴⁷ Там же. Д.8. Л.16; Д.15. Л.12; Д.16. Л.12; Д.17. Л.9 и др.
- ²⁴⁸ Там же. Д.17. Л.8.
- ²⁴⁹ Там же. Д.8. Л.76.
- ²⁵⁰ Там же. Д.3. Л.207.
- ²⁵¹ Там же. Д.21. Л.180; Д.22. Л.43 об.; Д.36. Л.17 об.
- ²⁵² Там же. Д.21. Л.91.
- ²⁵³ Там же. Д.19. Л.101 об.
- ²⁵⁴ Там же. Д.14. Л.126.
- ²⁵⁵ В частности, 1 марта А.А.Куроптев опросил городского 3-го участка Московской части Н.Т.Иосива, заподозренного в стрельбе с чердака дома по народу (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.13. Л.4).
- ²⁵⁶ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.3. Л.202.
- ²⁵⁷ Там же. Д.14. Л.126.
- ²⁵⁸ Там же. Д.4. Л.167.

- ²⁵⁹ Там же. Д.6. Л.28,44,45; Д.8. Л.60; Д.9. Л.18,42; Д.15. Л.31; Д.17. Л.13,21.
- ²⁶⁰ Там же. Д.30. Л.20,20 об.
- ²⁶¹ Там же. Д.4. Л.165.
- ²⁶² Там же.
- ²⁶³ Там же. Д.1. Л.8.
- ²⁶⁴ Там же. Д.4. Л.165.
- ²⁶⁵ Там же. Д.4. Л.165.
- ²⁶⁶ Там же. Д.14. Л.256-256 об. В частности, 2 марта В.А.Квасков обыскал и опросил надзирателя Петроградской сысской полиции О.А.Хрола, который добровольно явился в Государственную думу (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.25. Л.12).
- ²⁶⁷ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.15. Л.43; Д.21. Л.183 об.
- ²⁶⁸ Там же. Д.15. Л.48.
- ²⁶⁹ Там же. Д.10. Л.37.
- ²⁷⁰ Там же. Д.10. Л.38. Г.Смирнов работал в той же комнате, что и С.В.Гольман, т.е. в комнате № 44 (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.3. Л.205).
- ²⁷¹ Е.Э.Черномордик в 8 часов вечера 1 марта еще находился в арестном помещении на ул. Шпалерной (д.48), где производил обыск городского 3-го участка Литейной части И.И.Иванова (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.13. Л.22).
- ²⁷² РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.5. Л.18.
- ²⁷³ Там же. Д.6. Л.21
- ²⁷⁴ Там же. Д.9. Л.43.
- ²⁷⁵ Там же. Д.6. Л.69; Д.8. Л.21; Д.17. Л.5.
- ²⁷⁶ Там же. Д.4. Л.167.
- ²⁷⁷ Там же. Д.5. Л.19.
- ²⁷⁸ Там же. Д.8. Л.51.
- ²⁷⁹ Там же. Д.14. Л.256 об.
- ²⁸⁰ Там же. Д.14. Л.126.
- ²⁸¹ Там же. Д.21. Л.174.
- ²⁸² Там же. Д.21. Л.180.
- ²⁸³ В делах НСК за подписью Левина выявлены протоколы опросов, датированные только 28 февраля 1917 г. (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.8. Л.28; Д.9. Л.20; Д.12. Л.28; Д.16. Л.9; Д.27. Л.25; Д.36. Л.17 об. и др.).
- ²⁸⁴ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.34. Л.159.
- ²⁸⁵ Там же. Д.19. Л.141,142.
- ²⁸⁶ Там же. Д.7. Л.79 об.
- ²⁸⁷ Там же. Л.78.
- ²⁸⁸ Там же. Л.78 об.
- ²⁸⁹ Там же. Л.78.
- ²⁹⁰ Там же. Л.79 об.
- ²⁹¹ Там же. Л.78 об.
- ²⁹² Там же. Д.25. Л.16.
- ²⁹³ Там же. Д.19. Л.143.
- ²⁹⁴ Там же. Д.9. Л.54.
- ²⁹⁵ Там же. Д.7. Л.78.
- ²⁹⁶ Там же. Д.19. Л.141,142.
- ²⁹⁷ Там же. Д.4. Л.165.
- ²⁹⁸ Там же. Д.7. Л.78.
- ²⁹⁹ Там же. Д.8. Л.42.
- ³⁰⁰ Там же. Д.30. Л.20.
- ³⁰¹ Там же. Д.28. Л.34.
- ³⁰² Там же. Д.7. Л.78.
- ³⁰³ Там же. Д.15. Л.43. О В.Д.Леймане см. выше.
- ³⁰⁴ Там же. Д.1. Л.7.
- ³⁰⁵ Там же. Д.7. Л.79 об.
- ³⁰⁶ Там же. Д.14. Л.256 об.
- ³⁰⁷ Там же. Д.3. Л.191 об.
- ³⁰⁸ Там же. Д.9. Л.40.
- ³⁰⁹ Там же. Д.6. Л.68.
- ³¹⁰ Там же. Д.3. Л.205 об.-206.
- ³¹¹ Протоколов опросов за подписями Неймана и Б.Д.Шапира, датированных позднее 1 марта 1917 г., в делах НСК не выявлено.
- ³¹² РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.8. Л.23; Д.9. Л.38.
- ³¹³ Там же. Д.5. Л.21.
- ³¹⁴ Там же. Д.18. Л.21.
- ³¹⁵ Под протоколом опроса, составленным этим членом Комиссии, нет даты и стоит подпись, которую трудно разобрать (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.6. Л.47).

³¹⁶ Р.В.Долинская проходит по списку членов НСК, составленному Б.Г.Сергиевым (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.3. Л.194).

³¹⁷ И.М.Зданевич проходит по списку членов НСК, составленному Б.Г.Сергиевым (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.3. Л.194).

³¹⁸ Протокол опроса городского И.М.Флегонтова, охранявшего Дворянский земельный банк, подписан членом Комиссии, почерк которого разобрать трудно; дата опроса не указана (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.20. Л.25).

³¹⁹ Ю.Личман не поставил дату под протоколом опроса городского 1-го участка Васильевской части К.П.Румянцева, добровольно явившегося в Государственную думу (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.20. Л.28).

³²⁰ Ни одного протокола опросов задержанных за подписью М.П.Мошкова в делах НСК вывить не удалось, но он проходит по списку членов НСК, составленному Б.Г.Сергиевым (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.3. Л.194).

³²¹ П.Н.Николаев, составляя протоколы опросов задержанных, даты не указывал (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.6. Л.58; Д.18. Л.12; Д.22. Л.7).

³²² В списке НСК, составленном Б.Г.Сергиевым, указана фамилия Остромочильский (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.3. Л.194 об.). Но на отложившихся документах подпись этого члена НСК можно расшифровать как Остромогильский (См., например: РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.6. Л.62). Скорее всего, членом НСК был студент Психоневрологического института М.И.Остромогильский (см.: ЦГИА СПб. Ф.115. Оп.1. Д.481).

³²³ Там же. Д.7. Л.78 об.

³²⁴ Там же.

³²⁵ Там же. Д.6. Л.18.

³²⁶ Там же. Д.9. Л.54.

³²⁷ Там же. Д.6. Л.109 об.

³²⁸ Там же. Д.14. Л.256 об.

³²⁹ Там же. Д.2. Л.12.

³³⁰ В комнате № 43 28 февраля, например, студент Левин опросил рабочего И.М.Гвоздева, старшего дворника В.П.Дзюбинского (Петроградская сторона, Большой пр., д.38 и 40), городского Спасской части Е.Я.Захаренко, полицейского надзирателя В.С.Чуйкова и др. (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.8. Л.28; Д.9. Л.20; Д.12. Л.28; Д.27. Л.25)

³³¹ А.А.Куроптев после этого вышел из состава НСК (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.14. Л.126).

³³² РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.4. Л.165.

³³³ Там же. Д.7. Л.79 об.

³³⁴ Там же. Д.6. Л.100.

³³⁵ Позднее выяснилось, что он не Владимиров, а Клементий Александрович Штримпфлер, являвшийся секретным сотрудником Петроградского охранного отделения с декабря 1909 г. В результате вербовки он получил паспорт на имя потомственного дворянина М.Г.Владимирова. Во время Февральской революции Владимиров-Штримпфлер успел уничтожить документы, хранившиеся в Петроградской охранке и раскрывавшие его провокаторскую деятельность. Владимиров был разоблачен благодаря уцелевшим документам Московского охранного отделения (Расстрел провокатора / Последние известия // Волжский день. 1918. 12 июля).

³³⁶ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.4. Л.165.

³³⁷ Там же. Д.14. Л.126.

³³⁸ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.28. Л.34.

³³⁹ Там же. Д.9. Л.56.

³⁴⁰ О том, что задержанных 28 февраля 1917 г. записывали в книгу, вспоминал позднее городской 2-го участка Литейной части Г.К.Семида (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.21. Л.180). По словам околоточного надзирателя Ф.И.Демяхи, «книга задержанных» велась и 1 марта (Там же. Д.9. Л.13).

³⁴¹ Задержанные, в зависимости от их служебного положения, распределялись по различным следственным структурам, которые функционировали в Таврическом дворце. Часть из них даже не подвергалась опросу, а сразу направлялась в арестные помещения или в самом Таврическом дворце, или за его пределами.

³⁴² РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.9. Л.13,13 об.

³⁴³ Там же. Д.23. Л.3.

³⁴⁴ Там же. Д.26. Л.16.

³⁴⁵ Там же. Д.25. Л.16.

³⁴⁶ Там же. Д.4. Л.165,167.

³⁴⁷ Там же. Д.3. Л.207 об.

³⁴⁸ Там же. Д.7. Л.78-78 об.

³⁴⁹ Там же. Л.79 об.

³⁵⁰ Там же. Д.3. Л.204.

³⁵¹ Там же. Д.5. Л.71.

³⁵² Там же. Д.4. Л.165.

³⁵³ Там же. Д.14. Л.256 об.

³⁵⁴ Там же. Д.4. Л.165.

³⁵⁵ Там же. Д.15. Л.43.

³⁵⁶ Там же. Д.7. Л.79 об.

³⁵⁷ Там же. Д.36. Л.10.

³⁵⁸ Там же. Л.21.

³⁵⁹ Там же. Д.8. Л.47.

³⁶⁰ Там же. Д.15. Л.45.

³⁶¹ Там же. Д.17. Л.11.

³⁶² Там же. Д.8. Л.49.

³⁶³ Там же. Д.19. Л.80 об.

³⁶⁴ Там же. Д.15. Л.32.

³⁶⁵ Там же. Д.12. Л.21.

³⁶⁶ Там же. Д.6. Л.68.

³⁶⁷ Там же. Д.27. Л.8.

³⁶⁸ Там же. Д.8. Л.49.

³⁶⁹ Там же. Д.20. Л.37.

³⁷⁰ Там же. Д.14. Л.159.

³⁷¹ Там же. Д.6. Л.29.

³⁷² Там же. Д.14. Л.147.

³⁷³ Там же. Л.158.

³⁷⁴ Там же. Д.28. Л.21.

³⁷⁵ В частности, на квартирах приставов производились обыски (*Синакевич О.В.* «Жили-Были». Тетрадь 32-я. «Зрелые годы» (1915-1918 гг.) // ОР РНБ. Ф.163. Д.347. Л.55), а сами они задерживались и приводились в Государственную думу. Так, арестованный пристав Г.А.Шебеко был доставлен в Таврический дворец, а 2 марта отконвоирован Е.Маркеловым в Петроградское общественное градоначальство. Здесь пристава принял помощник общественного градоначальника капитан А.В.Васильев (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.4. Л.5).

³⁷⁶ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.10. Л.37.

³⁷⁷ 12 марта 1917 г. К.В.Неустров вновь явился в НСК. Но в этот раз он был арестован (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.17. Л.16,31).

³⁷⁸ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.14. Л.227.

³⁷⁹ Городовой М.И.Михайлов 28 февраля 1917 г. был арестован на квартире и доставлен в Таврический дворец. Здесь его опросил и задержал член НСК С.Кудрявцев (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.13. Л.11).

³⁸⁰ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.6. Л.32.

³⁸¹ Там же. Д.8. Л.12.

³⁸² Отметим, что депутаты Государственной думы приводили в Таврический дворец полицейских, которые сдавались им в надежде избежать расправы. Так, полицейский надзиратель 2-го участка Литейной части А.С.Бачурихин «добровольно» обратился к депутату С.Д.Вербилю (националист) с просьбой препроводить в Государственную думу. 1 марта депутат С.Г.Машеевич (польско-литовско-белорусская группа) также занимался доставкой полицейских в НСК. В этот день Машеевичу добровольно сдался городской 1-го участка Спасской части О.М.Ракас. Машеевич привел Ракаса в Таврический дворец, где сдал его члену НСК Д.Майзелю. В этот же день городской 2-го участка Коломенской части А.К.Пляжко «объявился» у Таврического дворца депутату ксендзу Машеевичу, который и передал городского в НСК. Направляя полицейских в НСК, члены Думы выступали ходатаями по их делам. Так, депутат Вербилю, доставив надзирателя Бачурихина в НСК, удостоверил, что лично знает задержанного, который «все время не принимал [участия] в стрельбе» (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.6. Л.22; Д.8. Л.29; Д.20. Л.33)

³⁸³ *Беннигсен Э.П.* Указ. соч. С.124.

³⁸⁴ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.14. Л.210-210 об.

³⁸⁵ Там же. Д.6. Л.36. Вскоре арестное помещение было переполнено, о чем было сообщено в Военную комиссию, видимо, его заведующим. Он писал: «Если прибывающие постоянно арестованные в помещение [“Земщины[”], Шпалерная [ул.,] д.[48[,] побегут, ответственность не моя» (РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.59. Л.13).

³⁸⁶ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.6. Л.50.

³⁸⁷ Там же. Д.16. Л.105.

³⁸⁸ Арестованные враги народа // Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 1 марта.

³⁸⁹ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.21. Л.180.

³⁹⁰ Там же. Д.3. Л.5-7.

³⁹¹ Там же. Д.33. Л.11.

³⁹² Там же. Д.3. Л.58-58 об. В Коломенской части приняли 81 арестованного, направленных из Таврического дворца (Там же. Д.33. Л.34).

³⁹³ Хроника // Биржевые ведомости. 1917. 17 марта (веч. вып.).

³⁹⁴ Среди арестованных / В Петрограде // Вечерний курьер (Москва). 1917. 14 марта.

³⁹⁵ *[Неустановленное лицо]*. Дневник с 26 февраля по 2 сентября 1917 г. с записями о революционных событиях в Петрограде // ОР РНБ. Ф.443. Д.887. Л.4.

³⁹⁶ *Тессен А.И.* В Таврическом дворце // Биржевые ведомости. 1917. 7 марта (веч. вып.).

³⁹⁷ *Шульгин В.В.* Указ. соч. С.187.